

ФАКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Сергей Нефедов

1.1. Движущие силы истории

Идея факторного анализа исторического процесса подразумевает изучение влияния на этот процесс основных действующих факторов – «движущих сил истории». Вопрос о движущих силах исторического процесса – одна из «вечных тем», занимавшая умы многих исследователей. В своих трудах историки пытались показать механизм действия отдельных факторов и многочисленные попытки такого рода привели к появлению обширной литературы, посвященной этому предмету. Роль некоторых факторов оказалась трудна для анализа, действие других оказалось слишком неопределенным – в конечном счете, путем «естественного отбора» сложился комплекс факторов, систематический характер действия которых удалось проследить на массовом историческом материале. В современных учебниках социальной философии часто выделяют четыре фактора: географический, демографический, экономический и технологический, а концепции, описывающие их действие, носят название, соответственно, географического, демографического, экономического и технологического детерминизма¹. Каждая концепция включает в себя группу теорий, разработанных разными авторами, и делающих подчас акцент на различных проявлениях одного и того же фактора, но в целом, признающих его определяющую роль. Концепция географического детерминизма описывает воздействие природных условий на сложение земледельческих и кочевых обществ, а также те перемены, которые иногда влекло за собой изменение климата. Развитие этой концепции было связано с работами Э. Реклю, Ф. Ратцеля, К. Витфогеля и многих других исследователей. Концепция демографического детерминизма сфокусирована на тех изменениях, которые влекут за собой рост или уменьшение населения; ее родоначальником считается Т. Мальтус. Развитие экономического детерминизма было связано с распространением марксизма, основной тезис которого сводился к тому, что общественные отношения определяются уровнем развития производительных сил. Наконец, концепция технологического детерминизма подчеркивает важную роль техники и то влияние, которое технологические революции оказывают на жизнь людей.

Необходимо отметить, что этот комплекс факторов сложился исторически, по мере развития социологии, и перечисленные здесь факторы не являются независимыми. В действительности марксистское понимание производительных сил учитывает прежде всего уровень техники и технологии, поэтому экономический фактор является производным от технического фактора. В этом контексте распространившиеся в XIX веке теории экономического детерминизма принадлежат к появившемуся позже более широкому классу теорий технологического детерминизма и их выделение объясняется лишь историографической традицией.

Кроме того, указанный комплекс из четырех (а фактически из трех) факторов не является устоявшимся и дополняется в некоторых работах – в том числе в исследованиях известного философа Л. Е. Гринина² — еще одним фактором, «фактором внешних влияний». Этот фактор включает в себя влияние на конкретное общество войн, торговли и различных внешних заимствований. И. В. Побережников³ особо выделяет роль диффузии инноваций, а А. В. Коротаев⁴ – «изменение внешней социальной среды», оба эти явления можно рассматривать как частные случаи внешних влияний. Иногда исследователи упоминают и другие факторы, однако фактически число рассматриваемых факторов ограничивается наличием эффективных теорий, которые описывали бы их действие в изучаемых нами обществах. Рассмотрению этих теорий и посвящена данная глава.

1.2. Роль демографического фактора. Демографически-структурная теория

Изучению роли демографического фактора в историческом процессе посвящена обширная литература, поэтому мы ограничимся здесь лишь краткими тезисами⁵. Начало исследования проблемы влияния роста населения на жизнь общества связано с именем основателя демографической науки Томаса Роберта Мальтуса. Как известно, главный постулат Мальтуса заключался в том, что «количество населения неизбежно ограничено средствами существования»⁶. Поэтому рост населения приводит к нехватке продуктов питания, что отражается в развитых обществах в росте цен и ренты, в падении реальной заработной платы и в уменьшении потребления низших классов. Уменьшение потребления, в свою очередь, влечет замедление роста, а затем его приостановку и сокращение населения до уровня, определяемого средствами существования (или ниже его). Пищи теперь становится достаточно, заработная плата возрастает, потребление увеличивается — но затем процесс повторяется: «возобновляются прежние колебания, то в сторону возрастания, то в сторону уменьшения населения»⁷.

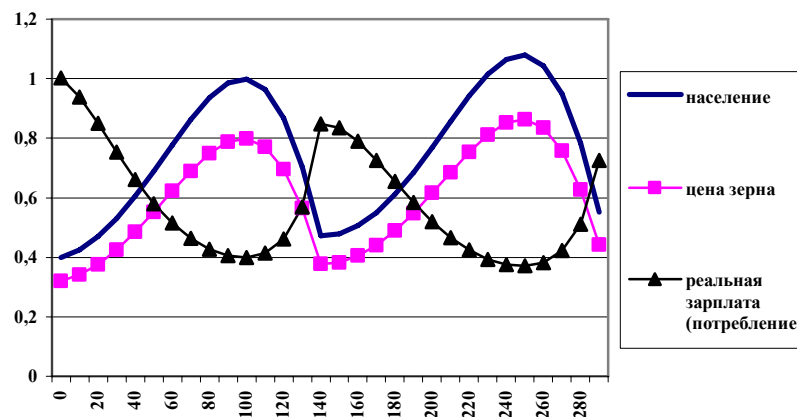

Рис. 1. Демографические циклы по теории Мальтуса-Рикардо: рост населения вызывает рост цен и рент и падение реальной заработной платы и потребления. Когда потребление становится ниже прожиточного минимума, начинается кризис и численность населения снижается, цены падают, потребление возрастает. Затем цикл повторяется.

Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами «классической школы» (А. Смит, Ж. Б. Сэй, Дж. Милль и др.). Давид Рикардо включил эти положения в разработанную им теорию заработной платы, вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикардианской⁸. Важно отметить, что и Мальтус, и Рикардо изначально говорили о повторяющихся колебаниях численности населения, то есть о *демографических циклах*. При этом колебания численности населения должны были сопровождаться колебаниями цен, земельной ренты, прибыли и реальной заработной платы, что приводило к представлениям о колебательном характере экономического процесса в целом (рис. 1).

В 1934 году немецкий историк и экономист Вильгельм Абель установил, что в Европе имелся период роста цен в XIII-начале XIV века, сменившийся затем падением цен в XV веке и новым ростом в XVI- начале XVII века. При этом повышение цен сопровождалось падением заработной платы и относительным ростом населения; периоды падения цен и роста заработной платы, наоборот, соответствовали периодам уменьшения численности населения⁹. В. Абель пришел к выводу, что эти процессы соответствуют положениям теории Рикардо; таким образом, было доказано существование демографических циклов в истории Европы.

Работы В. Абеля нашли широкий отклик в среде историков разных стран. Тема мальтузианской цикличности демографических и экономических процессов в Европе нашла подробное отражение в трудах М. Поста, Б. Сликера ван Бата, Р. Мунье, К. Чиппола, Д. Гласса и Д. Эверслея и других авторов¹⁰. Большую роль в разработке этой теории играла французская школа «Анналов», в частности, работы Ж. Мевре, П. Губера, Ж. Дюби, Э. Лабрусса, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню¹¹. В 1967 году вышел в свет первый том фундаментального труда Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках»¹².

«Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен, – писал Фернан Бродель, – это следующие друг за другом спады и подъемы, причем первые сводят почти на нет – но не до конца! – вторые. **В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным...** Растущее население обнаруживает, что его отношения с пространством, которое оно занимает, с теми богатствами, которыми оно располагает, изменились... Возрастающая демографическая перегрузка нередко заканчивается – а в прошлом неизменно заканчивалась тем, что возможности общества прокормить людей оказывались недостаточными. Эта истина, бывшая банальной вплоть до XVIII века, и сегодня еще действительна для некоторых отсталых стран... Демографические подъемы влекут за собой снижение уровня жизни, они увеличивают... число недоедающих нищих и бродяг. Эпидемии и голод – последний предшествует первым и сопутствует им – восстанавливают равновесие между количеством ртов и недостающим питанием... Если необходимы какие-либо конкретные данные, касающиеся Запада, то я бы отметил длительный рост населения с 1100 по 1350 год, еще один с 1450 по 1650, и еще один, за которым уже не суждено было последовать спаду – с 1750 года. Таким образом, мы имеем три больших периода демографического роста, сравнимые друг с другом... Притом эти длительные флуктуации обнаруживаются и за пределами Европы, и примерно в то же время Китай и Индия переживали регресс в том же ритме, что и Запад, как если бы вся человеческая история подчинялась велению некоей первичной космической судьбы, по сравнению с которой вся остальная история была истиной второстепенной»¹³.

Таким образом, Ф. Бродель утверждал, что Восток колебался в ритме демографических циклов синхронно Западу. Основанием для этого утверждения было обнаружение турецким историком О. Барканом демографического цикла в Османской империи, синхронного европейскому циклу конца XV – начала XVII веков¹⁴. Однако Р. Камерон подвергал критике этот тезис Ф. Броделя, указывая на недостаток исследований по этой тематике¹⁵. До сравнительно недавнего времени изучение этого вопроса ограничивалось работами израильского ученого Елеаху Аштора, исследовавшего циклы цен и заработной платы на Ближнем Востоке в раннее средневековье¹⁶, а также несколькими исследованиями, с разной степенью детализации, рассматривавшими демографические циклы в Китае¹⁷.

В 70-80-е годы XX века учение о демографических циклах получило общее название «неомальтузианства», однако необходимо отметить, что приверженцы этой теории в разных странах так и не выработали общей терминологии: они называли циклы «демографическими», «логистическими», «общими», «аграрными», «вековыми», «экологическими», подразумевая под ними одни и те же циклы, описанные Мальтусом и Рикардо. Мальтусовский термин «средства существования» в современной терминологии стал трактоваться как вмещающая емкость экологической ниши («carrying capacity»). Это понятие включает территорию и объем ресурсов, находящихся в распоряжении данного общества. Емкость экологической ниши, очевидно, зависит от технологии (в частности, от сельскохозяйственной технологии); технические открытия могут приводить к расширению экологической ниши, поэтому демографическая динамика определяется не только

внутренними циклическими закономерностями, но и влиянием *технологического фактора*. Это влияние менее существенно для изучаемого нами традиционного общества, но сказывается в современных развивающихся странах, где черты прошлого переплетаются с процессами модернизации. Проблема аграрного перенаселения в развивающихся странах была одной из важных практических тем, рассматривавшихся теоретиками неомальтузианства. В частности, капитальном исследовании Д. Григга были проанализированы процессы перенаселения в западноевропейских странах в XIV и в XVII веках, исследовано их влияние на различные аспекты социально-экономического развития и проведено сопоставление с социально-экономическими процессами в странах третьего мира¹⁸.

Новый этап в развитии концепции демографических циклов был связан с появлением демографически-структурной теории Джека Голдстоуна¹⁹. В то время как мальтузианская теория рассматривала динамику населения в целом, демографически-структурная теория рассматривает структуру – «народ», «государство» и «элиту» – анализируя взаимодействие элементов этой структуры в условиях роста населения. При этом динамика «народа» описывается так же, как динамика населения в неомальтузианской теории. Новым теоретическим элементом является анализ влияния демографического роста на элиту и государство. Демографический рост *элиты* в условиях ограниченности ресурсов влечет за собой дробление поместий и оскудение части элиты. Элита начинает проявлять недовольство и усиливает давление на народ и на государство с целью перераспределения ресурсов в свою пользу. Кроме того, в рядах элиты усиливается дифференциация и фрагментация, отдельные недовольные группировки элиты в борьбе с государством обращаются за помощью к народу и пытаются инициировать народные восстания²⁰.

Для *государства* рост населения и цен оборачивается падением реальных доходов. Властям становится все труднее собирать налоги с беднеющего населения, это приводит к финансовому кризису государства, который развивается на фоне голода, народных восстаний и заговоров элиты. Все эти обстоятельства, в конечном счете, приводят к революциям и краху («брейкдауну») государства²¹.

Демографически-структурная теория уделяет особое внимание так называемым *трансформациям структуры* «государство-элита-народ». Трансформация структуры – это качественное изменение элементов, составляющих структуру, а также изменение принципов их взаимодействия (например, установление крепостного права). Трансформации структуры приводят к особо масштабному перераспределению ресурсов, которое иногда порождает социальные кризисы – мы будем называть эти кризисы структурно-демографическими или просто структурными²². В некоторых случаях трансформации структуры и структурные кризисы могут быть объяснены в рамках демографически-структурной теории – но не всегда. Поэтому в этом пункте (так же, как в вопросе о расширении экологической ниши) возникает необходимость рассмотрения роли других, недемографических факторов в механизме демографического цикла. Это те «точки входа», через которые демографически-структурная теория сопрягается с теориями, описывающими влияние других, рассматриваемых ниже факторов.

Мальтузианское описание демографического цикла подразумевает естественное деление демографического цикла на фазы, характеризующиеся различной динамикой населения, цен и реальной заработной платы. Опираясь на исследования Э. Ле Руа Ладюри, Д. Григга и Дж. Голдстоуна²³ можно привести следующее описание фаз демографического цикла²⁴:

Для *фазы роста* (или *фазы восстановления* после предшествующего кризиса) характерны следующие явления: наличие свободных земель, удобных для возделывания; быстрый рост населения; рост посевных площадей; в начале периода – низкие цены на хлеб;

тенденция к постепенному росту цен; высокая реальная заработная плата и относительно высокий уровень потребления, но при этом – тенденция к постепенному понижению реальной заработной платы и уровня потребления; низкий уровень земельной ренты; тенденция к постепенному повышению уровня ренты; относительно низкий уровень государственной ренты (налогов); строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений; относительно ограниченное развитие городов; относительно ограниченное развитие ремесел; незначительное развитие аренды, незначительное развитие ростовщичества.

Для *фазы Сжатия* характерны: отсутствие доступных крестьянам свободных земель; крестьянское малоземелье; высокие цены на хлеб; низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы населения; демографический рост, ограниченный ростом урожайности; высокий уровень земельной ренты; частые голодные годы; частые эпидемии; разорение крестьян-собственников; рост задолженности крестьян и распространение ростовщичества; распространение аренды; высокие цены на землю; рост крупного землевладения; уход части разоренных крестьян в города; попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей; быстрый рост городов; развитие ремесел и торговли; рост числа безработных и нищих; активизация народных движений под лозунгами уменьшения земельной ренты, налогов, передела собственности и социальной справедливости; попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа; попытки увеличения продуктивности земель; переселенческое движение на окраины и развитие эмиграции; ввоз продовольствия из других стран (или районов); попытки расширить территорию путем завоеваний; непропорциональный (относительно численности населения) рост численности элиты; рост конкуренции за статусные позиции в среде элиты; фрагментация элиты; ослабление официальной идеологии и распространение диссидентских течений, обострение борьбы за ресурсы между государством, элитой и народом; попытки приватизации доходов, связанных со служебным положением; попытки оппозиционному государству фракций элиты поднять народ на восстание или их присоединение к народным восстаниям; финансовый кризис государства, связанный с ростом цен и неплатежеспособностью населения; попытки государства противостоять назревающему экосоциальному кризису путем усиления централизации и установления этатистской монархии.

Экономическая ситуация в этот период неустойчива, у многих крестьян отсутствуют необходимые запасы зерна, и любой крупный неурожай или война могут привести к голоду и экосоциальному кризису. «Экономика предельно напряженная», – писал П. Шоню²⁵.

Для *фазы экосоциального кризиса* характерны: голод, принимающий широкие масштабы; широкомасштабные эпидемии; в конечном итоге – гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы; государственное банкротство; потеря административной управляемости; широкомасштабные восстания и гражданские войны; брейкдаун – разрушение государства; внешние войны; разрушение или запустение многих городов; упадок ремесла; упадок торговли; очень высокие цены на хлеб; низкие цены на землю; гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности; социальные реформы, в некоторых случаях принимающие масштабы революции, порождающей этатистскую монархию – автократию, практикующую государственное регулирование и не допускающую развития крупной частной собственности.

Перечисленные здесь явления характерны для соответствующей фазы демографического цикла в том смысле, что из теории вытекает, что они с высокой степенью вероятности должны наблюдаться в этой фазе. Поэтому при анализе истории конкретной страны необходимо проверить, наблюдаются ли в соответствующий период указанные

явления. Если они наблюдаются, то появляется возможность объяснить их, исходя из демографически-структурной теории. Если же они не наблюдаются, то причины этой аномалии должны быть проанализированы особо. Большое количество аномалий, естественно, ставит под сомнение вопрос о том, что данный период можно рассматривать как демографический цикл.

Экосоциальный кризис часто вызывает разрушение государства и может стать началом длительного периода социальной нестабильности, в течение которого периодически возобновляющиеся внутренние и внешние войны сопровождаются разрухой, голодом и эпидемиями. Такое состояние посткризисной депрессии препятствует возобновлению роста населения в следующем демографическом цикле, и этот период называют *интерциклом*. П. Турчин на материале Англии, Китая и Римской империи, установил наличие тесной статистической связи между коэффициентом естественного прироста и индексом социальной нестабильности²⁶. Таким образом, можно утверждать, что задержка в возобновлении роста населения (несмотря на повышение потребления после кризиса) непосредственно связана с внутренними и внешними войнами, мятежами и восстаниями, которые являются более или менее отдаленными последствиями экосоциального кризиса, нарушившего стабильное состояние государства. В период интерцикла внутреннее развитие уже не определяется демографическим фактором и в значительной мере зависит от случайных обстоятельств протекания военных конфликтов.

В последние годы изучение демографических циклов проводится с широким использованием экономико-математических моделей. Это новое направление исследования представлено, в том числе, в работах Дж. Комлоса, П. Турчина, А. В. Коротаева, Д. А. Халтуриной, С. Ю. и А. С. Малковых, С. В. Циреля, а также в работах автора²⁷. Математическое моделирование помогает, в частности, оценить влияние на ход демографического цикла *кратковременных климатических колебаний*, неурожая, стихийных бедствий. Оно показывает, что в фазе роста крестьяне имеют достаточные запасы зерна и колебания урожайности в этот период не могут привести к катастрофе. Однако в последующий период перенаселения такие запасы отсутствуют, что делает экономическую систему неустойчивой. В этих условиях большой неурожай или нарушающее хозяйственную жизнь вторжение врагов должны рано или поздно привести к драматическим последствиям²⁸. Д. Григг отмечает, что неурожай и пандемии бывали во все времена, но они оказывались катастрофическими лишь в периоды перенаселения, когда население не имело запасов продовольствия и было ослаблено постоянным недоеданием – то есть случайные факторы лишь усиливали эффект перенаселения²⁹.

Что касается роли долговременных климатических колебаний, но необходимо отметить, что одно время имели место попытки объяснить механизм демографического цикла чередованием периодов похолодания и потепления. Автором теории определяющей роли климатического фактора в экономических и демографических процессах является шведский историк Густав Уттерстрем. В 1955 году Уттерстрем опубликовал обстоятельное исследование³⁰, в котором пытался доказать, что существовали вековые колебания климата, которые привели к кризисам XIV и XVII века. Э. Ле Руа Ладюри посвятил опровержению этого тезиса специальную работу³¹, в которой показал, что катастрофы, пережитые человечеством в средние века, не связаны с относительным похолоданием. В последнее время появились также и статистические исследования, подкрепляющие аргументацию Э. Ле Руа Ладюри³².

1.3. Роль технологического фактора. Теория военной революции

Идея о том, что техника и технология определяют социальную структуру и общественные отношения высказывалась многими историками и экономистами. Прежде всего, речь идет о

роли технологических революций и великих, *фундаментальных*, открытий. Фундаментальные открытия – это открытия, позволяющие овладеть новыми ресурсами и возможностями, в современной терминологии, это открытия, *расширяющие экологическую нишу* народа или государства и способствующие увеличению численности населения. Это могут быть достижения в области производства пищи, например, domestикация растений, позволяющая увеличить плотность населения в десятки и сотни раз. Это может быть *новое оружие* или новая военная тактика, позволяющие раздвинуть границы обитания за счет соседей. Это могут быть транспортные средства, позволяющие открыть и освоить новые земли. В качестве фундаментальных открытий можно рассматривать также новые технологии, способствующие достижениям в упомянутых выше областях, например, освоение металлургии железа, с одной стороны, позволило создать железные топоры и плуги, облегчившие освоение целины, с другой стороны, сделало возможным появление нового оружия – железных мечей.

Очевидно, что технологический фактор непосредственно влияет на демографическую динамику и социальное развитие общества. С одной стороны, фундаментальные открытия расширяют экологическую нишу, с другой стороны, они могут вызывать трансформации структуры «государство-элита-народ» и вызывать масштабное перераспределение ресурсов между элементами этой структуры.

Обычно отмечают две глобальные общественные трансформации, вызванные «аграрной» («неолитической») революцией, породившей традиционное общество земледельцев, и «промышленной» революцией, обусловившей переход от традиционного к индустриальному обществу. Что касается менее значимых трансформаций внутри традиционного общества, то их связывают, в основном, с военно-техническими достижениями, то есть с фундаментальными открытиями в военной сфере. В свое время Макс Вебер обратил внимание на то, что появление в Греции вооруженной железными мечами фаланги гоплитов привело к переходу власти в руки состоятельных граждан-землевладельцев³³. Аналогичным образом, Линн Уайт объясняет становление феодализма появлением стремени, которое сделало всадника устойчивым в седле и обусловило господство на поле боя тяжеловооруженных рыцарей³⁴.

Отталкиваясь от этих положений, известный востоковед И. М. Дьяконов создал теорию военно-технологического детерминизма, в которой каждая фаза исторического развития характеризуется изменениями в военной технологии³⁵. Согласно этой теории там, где нет металлического оружия не может быть классового общества, и первые две фазы развития соответствуют безклассовому первобытному строю. Появление бронзового оружия открывает путь к переходу в третью фазу («ранняя древность») и к созданию примитивного классового общества. Распространение железного оружия вызывает переход к четвертой фазе («имперская древность»). В этой фазе появляются большие империи с регулярным налогообложением и развитой бюрократией. Пятая фаза – это средневековье, в котором «воин на защищенном панцирем коне, сам закованный в броню... может обеспечить эксплуатацию крестьянина, который в предшествующую эпоху и поставлял основную массу воинов»³⁶. Появление огнестрельного оружия открывает шестую фазу – фазу «стабильно-абсолютистского постсредневековья»³⁷.

Близкую схему связи между военной техникой и политическим режимом обосновывает известный французский социолог Доминик Кола. На материале Древней Греции и Центральной Африки XVII-XIX веков он доказывает, в частности, что боевые колесницы в собственности государства порождают деспотию, кавалерия, принадлежащая знати – аристократию или выборную монархию, а огнестрельное оружие – централизованную власть³⁸.

Необходимо, однако, отметить, что рассматриваемые здесь соответствия между типом вооружением и политическими режимами не являются жесткими, и имеют скорее, характер статистической зависимости. Существуют примеры, показывающие, что в отдельных случаях постулируемые связи нарушались. Это, в первую очередь, касается тезиса Л. Уайт о том, что распространение стремени порождает рыцарство и феодализм. Этот тезис был обоснован на материале Европы, где проблема обеспечения всадников рыцарским вооружением решалась путем предоставления им (на условиях службы) земельных владений-бенефициев. Как было показано исследователями-востоковедами, в Китае государство, располагавшее развитой налоговой системой, предпочитало непосредственно оплачивать наемных кавалеристов из казны, не наделяя их бенефициями. Таким образом, в Китае (за исключением, быть может, маньчжурского периода) не существовало класса рыцарей-землевладельцев, характерного для европейского феодализма³⁹.

Очевидно, последствия распространения тех или иных военно-технических достижений должны рассматриваться для каждой страны конкретно – это и является одной из задач данного исследования.

Наиболее разработанной из теорий технологического детерминизма является созданная Майклом Робертсом⁴⁰ теория «военной революции». Эта теория до сих пор мало известна российской исторической общественности, поэтому будет уместно кратко изложить ее основные положения и выводы⁴¹.

Основная идея М. Робертса состоит в том, что на протяжении последних трех тысячелетий в мире произошло несколько военных революций, каждая из которых была началом нового этапа истории. «Это – историческая банальность, – писал М. Робертс, – что революции в военной технике обычно приводили к широко разветвленным последствиям. Появление конных воинов (точнее, колесничих – *С.Н.*)... в середине II тыс. до н.э., триумф тяжелой кавалерии, связанный с появлением стремени в IV веке христианской эры, научная революция в вооружениях в наши дни – все эти события признаются большими поворотными пунктами в истории человечества»⁴².

М. Робертс подробно проанализировал лишь одну из военных революций – революцию середины XVII века. Эта революция была связана, прежде всего, с появлением легкой артиллерии. В прежние времена качество литья было плохим, и это вынуждало делать стенки ствола пушек настолько толстыми, что даже малокалиберные орудия было трудно перевозить по полю боя. Шведский король Густав Адольф (1611-1632), осознал, какие перспективы открывает улучшение качества литья – и преступил к целенаправленным работам по созданию легкой полевой артиллерии. Эти работы продолжались более десяти лет, и в конце концов, в 1629 году была создана легкая «полковая пушка», «*regementsstycke*»⁴³. «Полковую пушку» могла везти одна лошадь; два-три солдата могли катить ее по полю боя рядом с шеренгами пехоты – и таким образом, пехота получала постоянную огневую поддержку. Стенки ствола «полковой пушки» были настолько тонкими, что она не могла стрелять ядрами – секрет *regementsstycke* состоял в том, что это была первая пушка, предназначенная для стрельбы картечью, «гаубица». Благодаря применению специальных патронов «полковая пушка» обладала невиданной скорострельностью: она делала до шести выстрелов в минуту и буквально засыпала противника картечью⁴⁴. «Это была фундаментальная инновация», – писал М. Робертс⁴⁵.

«Полковая пушка» стала «оружием победы» шведской армии в Тридцатилетней войне; каждому полку было придано несколько таких пушек. Создание полковой пушки и одновременное появление облегченных мушкетов вызвали революцию в военной тактике и стратегии. Происходит постепенный отказ от плотных боевых построений, «баталий» или «терций», и замена тактики пехотных колонн линейной тактикой⁴⁶.

После изобретения *regementsstycke* в руках Густава Адольфа оказалось новое оружие – но нужно было создать армию, которая смогла бы использовать это оружие. Швеция была маленькой и бедной страной, в 1623 году доход королевства составлял 1,6 млн. рейхсталеров; на эти деньги можно было содержать не более 15 тысяч наемников. Естественный выход из финансовых затруднений состоял в использовании уникального шведского института – всеобщей воинской повинности. Густав Адольф упорядочил несение этой повинности, в армию стали призывать одного из десяти военнообязанных мужчин и срок службы был установлен в 20 лет⁴⁷. В 1626-1630 годах Густав Адольф призвал в войска 50 тысяч рекрутов; таким образом, была создана *первая в Европе регулярная армия*. Однако финансовая проблема была решена лишь отчасти. Содержание постоянной армии требовало огромных затрат, и решающим шагом на пути решения финансовой проблемы стало проведение первого в Западной Европе земельного кадастра и введение поземельный налога – то есть радикальная налоговая реформа. Кроме того, Густав Адольф монополизировал торговлю солью и экспорт хлеба, положил начало практике составления точных бюджетов и начал чеканку медных денег с номинальной стоимостью⁴⁸. Все эти меры означали *резкое перераспределение ресурсов в пользу государства*.

Введение новых налогов вызвало сопротивление шведских сословий, но в 1624 году Густаву Адольфу удалось преодолеть это сопротивление и добиться вотирования основного налога (*landtagsgard*) на неопределенное время – таким образом, этот налог стал практически постоянным и его сбор не зависел от согласия риксдага⁴⁹.

Решение финансовой проблемы позволило Густаву Адольфу дополнить призывные контингенты наемниками и создать невиданную по тем временам 80-тысячную армию, вооруженную полковыми пушками и облегченными мушкетами⁵⁰. Создание регулярной армии породило *волну шведских завоеваний*. В 1630 году шведские войска высадились в Германии, а год спустя в битве при Брейтенфельде шведские пушки расстреляли армию императора Фердинанда II. К середине XVII века шведы стали хозяевами Центральной Европы, в своих походах шведские армии достигали южных областей Германии и Польши – и даже Украины.

Громкие победы шведской армии вызвали заимствование шведских военных и социальных инноваций, прежде всего, в государствах, терпевших поражения в борьбе со Швецией, – в германских княжествах (прежде всего, в Бранденбурге), в империи Габсбургов, в Дании, в России. Государства, не сумевшие перенять оружие противника, как показывает опыт Польши, в конечном счете, ждала гибель. Как полагает Майкл Робертс, военная революция изменила весь ход истории Европы. Появление регулярных армий потребовало увеличения налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Появление новой армии, новой бюрократии, новой финансовой системы означали огромное усиление центральной власти и становление режима, который Брайан Даунинг называет *«военно-бюрократическим абсолютизмом»*⁵¹. Нуждаясь в ресурсах, военно-бюрократический абсолютизм перераспределял доходы в свою пользу; при этом ему приходилось преодолевать сопротивление старой знати, которая терпела поражение в этой борьбе и теряла свое политическое значение. Могущество средневековой рыцарской аристократии было основано на средневековой военной технике, на господстве рыцарской кавалерии. Военная революция лишила аристократию ее оружия; новое оружие стало оружием массовых армий, состоявших преимущественно из простолюдинов, и руководимых абсолютными монархами. После «военной революции» дворянству приходится искать свое место в новой армии и в новом обществе, и абсолютизм указывает дворянству его новое положение – положение офицерства регулярной армии. Однако вместе с тем абсолютизм открывает дворянское сословие для офицеров-простолюдинов и вводит «табели о рангах», определяющие порядок выдвижения не по знатности, а по заслугам⁵².

С другой стороны, увеличение налогов означало новые и часто нестерпимые тяготы для населения, вызывало голод, всеобщее недовольство и восстания. Тридцатилетняя война, в ходе которой на поле боя впервые появились массовые армии, потребовала от государств огромного увеличения военных расходов. Монархи оказывались вынужденными увеличивать налоги и нарушать привилегии сословий, что стало причиной Фронды, восстаний в Испании и Италии и других социальных движений, ассоциируемых с так называемым «кризисом XVII века»⁵³.

Таким образом, в ходе военной революции, во-первых, происходила *трансформация структуры* – государство превращалось в абсолютную монархию, оно усиливалось включением нового компонента, регулярной армии, прежнее элитное рыцарское ополчение теряло свою роль, а элита становилась в подчиненное положение к государству. Во-вторых, происходило масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства и в ущерб народу, что часто приводило к *структурным кризисам*. Мы говорили выше, что демографически-структурная теория часто не может объяснить причины трансформаций структуры и последующих структурных кризисов – теперь мы видим, что, по крайней мере, часть таких кризисов объясняется через посредство теории военной революции. Таким образом, *теория военной революции представляет собой необходимый дополнительный инструмент при изучении исторического процесса с использованием демографически-структурной теории*.

Во второй половине XX века теория «военной революции» стала общепринятым инструментом при анализе социально-экономического развития различных стран Европы в раннее Новое время. Однако, как отмечал М. Робертс военная революция XVII века была лишь одной из многих военных революций, и, в принципе, созданная им теория может распространяться и на ранние периоды истории. В контексте этого расширенного применения для нас важно прежде всего то обстоятельство, что теория М. Робертса показывает, что *создание постоянной профессиональной армии, находящейся на государственном содержании, влечет за собой трансформацию структуры, масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства и установление самодержавия*. Постоянная армия не впервые появилась в XVII веке, она существовала в некоторых государствах и ранее, иногда в достаточно отдаленные исторические эпохи. Поэтому изучая трансформации структуры тех времен, необходимо иметь в виду отмеченные выше тенденции.

1.4. Роль фактора внешних влияний. Диффузионизм

Как отмечалось выше, внешние влияния могут быть многообразными: это прежде всего войны, торговля и культурное влияние, связанное с диффузией инноваций. Войны могут быть обусловлены перенаселением и недостатком ресурсов, так что внешние влияния оказываются отчасти производными от демографического фактора. С другой стороны, распространение культурных инноваций связано в влиянием технологического фактора.

Процесс заимствования и распространения инноваций традиционно изучается в рамках концепции, именуемой *диффузионизмом*. Изучение диффузии культурных инноваций на основе анализа археологических артефактов – это традиционный «культурно-исторический» подход, распространенный метод работы археологов. «Мы находим некоторые категории остатков – пишет Гордон Чайлд, – керамику, орудия труда, украшения, виды погребального обряда, формы жилищ, – постоянно встречающиеся вместе. Такой комплекс связанных признаков мы назовем “культурной группой” или просто “культурой”. Мы убеждены, что этот комплекс является материальным выражением того, что мы сегодня назвали бы “народом”»⁵⁴. «Далее, – продолжает известный российский археолог Л. Н. Корякова, – как правило, следует анализ изменений в терминах миграции. Одним из вопросов является вопрос о происхождении нового типа и связанной с ним группы населения. Тщательное

изучение керамики на прилегающих территориях может гипотетически определить место ее происхождения и даже направление миграции. В противном случае, если эти аргументы покажутся неподходящими, можно поискать параллели специфическим чертам культурных сочетаний в других местах. Если культурный комплекс не привязывается к какому либо внешнему источнику, могут быть найдены некоторые связи с зоной цивилизации или какой-либо другой культурой. Если такие параллели находятся, археолог приведет доводы в пользу диффузии»⁵⁵.

Наиболее четко идеи диффузионизма сформулированы в так называемой «теории культурных кругов» – историко-этнологической концепции, весьма популярной в 20-х и 30-х годах нашего столетия. Как известно, создатель этой концепции Фриц Гребнер считал, что сходные явления в культуре различных народов объясняются происхождением этих явлений из одного центра⁵⁶. Последователи Гребнера полагают, что важнейшие элементы человеческой культуры появляются лишь однажды и лишь в одном месте в результате фундаментальных открытий в технике и технологии. Эффект фундаментальных открытий таков, что они дают народу-первооткрывателю решающее преимущество перед другими народами. Используя это преимущество, народ-первооткрыватель подчиняет окружающие народы и передает им свою культуру; таким образом, образуется культурный круг – область распространения данного фундаментального открытия и сопутствующих ему культурных элементов. С другой стороны, покоренные народы передают победителям элементы своей культуры, происходит сложный процесс культурного и социального синтеза, иногда прерываемый периодами традиционалистской реакции.

Таким образом, фактор внешних влияний в диффузионистской теории является производным от технологического фактора, по существу, эта теория описывает механизм влияния фундаментальных открытий на жизнь человеческого общества.

Как отмечалось выше, фундаментальные открытия, как правило, совершаются один раз и в одном месте. Теоретически, конечно, возможно, что фундаментальное открытие, породившее данный культурный круг будет конвергентно повторено в другом месте, но в реальности вероятность такого события близка к нулю: быстрота распространения информации об открытии не оставляет времени для его независимого повторения. В традиционном обществе чаще всего в роли фундаментального открытия выступает новое оружие, которое порождает волну завоеваний. Распространение волны завоеваний связано с демографическими катастрофами; нашествие обрывает демографические циклы в завоеванных государствах, и социальный синтез происходит в фазе роста нового цикла.

Классическим примером волны завоеваний являются завоевания Александра Македонского, приведшие к образованию того культурного круга, который называют эллинистической цивилизацией. Можно перечислить многие элементы определявшего эту цивилизацию культурного комплекса, в этот комплекс входят стандартные образцы греческой архитектуры, такие как храмы, палестры и гимнасии, греческая керамика, монеты с греческими надписями, греческая одежда, характерные черты социальной организации полисов и клерухий и т. д. Однако главный элемент этого культурного круга, фундаментальное открытие, обусловившее его быстрое расширение – это македонская фаланга; именно фаланга одерживала победы, прославившие Александра⁵⁷. Именно создание фаланги выдвинуло на арену истории до того мало кому известный горный народ, македонян. Овладев культурными областями Греции, македоняне затем распространили греческую культуру по всему ближнему Востоку, но, с другой стороны, в процессе социального синтеза завоеватели перенимали традиции покоренных народов и это проявилось, прежде всего, в подражании Александра персидским царям. Перенимание персидских порядков вызвало в окружении царя традиционалистскую реакцию, а после смерти Александра – политический

кризис и долгие войны диадохов. В конечном счете, войны привели к масштабной демографической катастрофе и гибели значительной части населения Передней Азии.

Главным признанием могущества фаланги было перенимание этого открытия противниками македонян, в частности, Спартой⁵⁸. Фундаментальное открытие – в данном случае, новое оружие – дает в руки своих обладателей решающее преимущество и, чтобы устоять перед их натиском, окружающие народы вынуждены поспешно перенимать это оружие. *Именно это обстоятельство – перенимание оружия противника – является свидетельством фундаментального характера данной военной инновации.* Вместе с тем это перенимание является главной составляющей механизма диффузии: вслед за перениманием нового оружия перенимается тактика его использования и военная организация, которая часто является частью социальной организации (например, система клерухий или поместная система). В большинстве случаев перенимаются и сопровождающие фундаментальное открытие культурные элементы, такие как политические институты, одежда, обычаи и т. д. – но формально это перенимание уже не является необходимым, и глубина этих заимствований свидетельствует о силе того давления, которое оказывает на соседей народ-первооткрыватель. *Перед волной завоеваний движется волна диффузии;* заимствуя новые культурные элементы, окружающие народы присоединяются к новому культурному кругу.

На дальних рубежах культурного круга заимствование может ограничиваться перенесением, одного, главного, культурного элемента. В случае, когда через множество посредников заимствуется лишь идея фундаментального открытия, например, идея земледелия, установить факт диффузии археологически невозможно. Это привело, в частности, к тому что многие археологи и этнографы придерживаются теории о самопроизвольной, независимой доместикации растений в различных культурных центрах⁵⁹. При этом не учитывается то обстоятельство, что, как отмечалось выше, процесс диффузии идеи был относительно быстротечным. Например, диффузия металлургии железа с Ближнего Востока в Китай заняла около 200-300 лет – притом, что речь идет о переносе не просто идеи, но сложного технологического процесса, подразумевающего перенимание технических навыков. По аналогии можно утверждать, что даже отдаленные племена Евразии должны были узнать о возможности доместикации растений через какие-нибудь два-три-четыре столетия, и времени на «самостоятельное» фундаментальное открытие было отпущено очень мало.

Таким образом, культурно-историческая школа представляет историю как динамичную картину распространения культурных кругов, порождаемых происходящими в разных странах фундаментальными открытиями. История отдельной страны в рамках этой концепции может быть представлена как история адаптации к набегающим с разных сторон культурным кругам, как история трансформации общества под воздействием внешних факторов, таких, как нашествие, военная угроза или культурное влияние могущественных соседей. В исторической науке такие трансформации применительно к конкретным случаям обозначаются как эллинизация, романизация, исламизация, вестернизация и т. д.

Для темы нашего исследования чрезвычайно важно то обстоятельство, что трансформация общества под воздействием диффузионной волны представляет собой трансформацию структуры «государство-элита-народ» и сопровождается перераспределением ресурсов в рамках этой структуры. Таким образом, некоторые трансформации структуры, необъяснимые с позиций демографически-структурной теории, могут быть объяснены через внешние диффузионные влияния.

Созданная почти столетие назад, теория культурных кругов прошла длительный путь развития; одно время она подвергалась критике, но затем авторитет теории был в целом восстановлен, и она до сих пор эффективно применяется, как в археологии и этнографии, так и в исторической науке⁶⁰. В настоящее время регулярно проводятся конференции,

посвященные анализу процесса диффузии – прежде всего в области вооружения – на обширных пространствах Евразии⁶¹.

Классическим изложением истории человечества с позиций диффузионизма является известная монография Уильяма Мак-Нила «Восхождение Запада»⁶². Важно отметить, что У. Мак-Нил говорит о тех же военно-технических открытиях, что и М. Робертс: о изобретении боевой колесницы в середине II тыс. до н.э., о появлении стремян в IV в. н. э. и т. д., и описывает вызванные этими «военными революциями» последствия и распространение порожденных ими волн завоеваний. Однако в «Восхождении Запада» У. Мак-Нил уделяет основное внимание процессу распространения инноваций и не объясняет, почему те или иные открытия в военной или производственной сфере повлекли определенные изменения в сфере социальной и политической. В более поздней монографии, «Стремление к мощи»⁶³, У. Мак-Нил касается этого вопроса более подробно, описывая «военную революцию» XVI-XVII веков и ссылаясь на исследования М. Робертса, Г. Паркера и других теоретиков «военной революции». Таким образом, мы видим, что диффузионизм в версии У. Мак-Нила включает в себя теорию «военной революции». Более того, при рассмотрении социально-экономических кризисов XVII и конца XVIII веков У. Мак-Нил использует элементы неомальтузианского подхода и ссылается на Ф. Броделя⁶⁴. Хотя этому сюжету в книге У. Мак-Нила посвящено лишь несколько строк, он имеет принципиальное значение, так как содержит идею анализа исторического процесса как результата взаимодействия демографического и технического факторов – и соответственно, идею *теоретического синтеза неомальтузианства и диффузионизма*.

Таким образом, мы можем говорить о становлении новой концепции развития человеческого общества. В этой концепции внутреннее развитие описывается с помощью демографически-структурной теории, однако на демографические циклы иногда накладываются волны завоеваний, порожденных совершенными в той или иной стране фундаментальными открытиями. За этими завоеваниями следуют демографические катастрофы, социальный синтез и трансформация структуры, в ходе которой рождается новое общество и новое государство. Характеристики новой структуры «государство-элита-народ» зависят от тех исходных компонентов, которые участвуют в социальном синтезе, от того, какими были общество завоеванных и общество завоевателей. В истории Востока в роли завоевателей обычно выступали кочевники, обитатели степей Евразии, а роль покоренных народов доставалась земледельцам. Земледельцы и кочевники представляли собой два разных хозяйственных типа, их обычаи и социальные отношения определялись прежде всего различными условиями природной среды, географическим фактором. Поэтому для того, чтобы понять механизм социального синтеза, необходимо кратко проанализировать, каким образом географический фактор (вместе с другими факторами) формировал общество земледельцев и общество кочевников.

1.5. Формирование земледельческого общества

Доместикация растений явилась великим достижением человечества, намного расширившим его экологическую нишу, – по определению Гордона Чайлда, это была «неолитическая революция»⁶⁵. Неолитическая революция началась в X тысячелетии до н.э. на Ближнем Востоке, в регионе, где распространены дикорастущие пшеница и ячмень и первобытные общины издавна занимались собирательством съедобных злаков. В контексте диффузионистской теории доместикация растений рассматривается как *фундаментальное открытие*, кардинальным образом изменившее жизнь людей. Прежде всего, она имела огромные демографические последствия. По оценке Э. Диви, в эпоху мезолита средняя плотность населения равнялась 0,04 чел./км², а в эпоху раннего земледелия она увеличилась до 1 чел./км² – это означает, что лишь на первом этапе «неолитической революции» емкость

экологической ниши увеличилась в десятки раз. В отдельных областях наблюдался еще более значительный рост плотности населения: в юго-западном Иране с 0,1 до 2 чел./км², в Восточном Средиземноморье с 0,1 до 1,5-10 чел./км²⁶⁶.

Оценки археологов подтверждаются данными этнографии: в то время как у охотников и собирателей плотность населения редко превышает 0,2 чел./км², плотность населения в областях распространения переложного земледелия в Африке, Азии и Америке составляет в среднем около 9 чел./км². На следующем этапе «неолитической революции», когда на смену подсечно-переложному земледелию приходят плужное земледелие и ирригация, плотность населения достигает 100 и более человек на квадратный километр⁶⁷.

Рост численности населения наглядно проявился в увеличении размеров общин. Численность общин охотников и собирателей редко превышала 50 человек, наиболее типичной была община в два-три десятка членов. По имеющимся оценкам, средняя численность населения неолитического поселка составляла на Ближнем Востоке 100-300 человек; сходные цифры дают и этнографические источники⁶⁸.

Образ жизни различных племен, занимавшихся подсечно-огневым земледелием, был весьма схожим. Так же как охотники, ранние земледельцы жили родовыми общинами, состоявшими из родственных семей. Мужчины все вместе расчищали участки земли, причем, поскольку земля быстро истощалась, то процесс расчистки новых участков был практически постоянным; старые участки забрасывались, и община переходила на новые поля – эта система раннего земледелия называется подсечно-огневой или переложной. Расчищенные участки делили на семейные наделы, на которых хозяйствовали женщины; урожай считался собственностью семьи, но определенная его часть поступала в распоряжение рода. Важнейшие дела общины решались на сходках мужчин; вожди, как правило, пользовались лишь слабой властью и не имели привилегий. Такого рода общественные отношения отмечаются у индейцев Амазонии, папуасов Новой Гвинеи, даяков Калимантана, таи и сенои Суматры, ирокезов Северной Америки и многих других архаических племен⁶⁹.

Как отмечают исследователи, ранние земледельцы сохранили свойственный охотникам общинный коллективизм и относительно равномерное распределение пищи⁷⁰. Это было связано, прежде всего, с необходимостью объединения усилий всей общины для расчистки новых участков земли – при отсутствии железных орудий труда одиночка был не в состоянии справиться с этой тяжелой работой⁷¹.

Считается, что от начала неолитической революции до появления первых государств прошло около пяти тысяч лет. За этот период плотность населения на Ближнем Востоке возросла с 0,05-0,07 до 10 чел./км², то есть в 150-200 раз⁷². Постепенно в некоторых общинах стала ощущаться нехватка земли, вызвавшая переход от раннего земледелия к развитому, при котором хозяйство велось на постоянных участках, а плодородие почв поддерживалось с помощью ирригации, паров и удобрений. Другим следствием нехватки земли стало расселение земледельцев на восток, в Иран и Среднюю Азию, и на запад, в Европу⁷³. Это была порожденная фундаментальным открытием *миграционная волна*. В VII тысячелетии земледельцы появились на Балканах, в VI тыс. в долинах Дуная, Инда и Ганга, а к концу V тыс. – в Испании и Китае. Охотничьи племена, прежние обитатели этих территорий либо истреблялись, либо вытеснялись пришельцами, либо в процессе социального синтеза перенимали их культуру.

Вслед за неолитической революцией последовало еще несколько фундаментальных культурных инноваций; к их числу относятся появление керамики (и гончарного круга), колесной повозки, металлургии бронзы и письменности. В VI тысячелетии в Месопотамии впервые стали строить плотины и рыть небольшие оросительные каналы – это означало переход к ирригационному земледелию⁷⁴. В V тысячелетии археологи дважды отмечают резкую смену культурных традиций населения Двуречья – несомненно, в результате войн и

массовых миграций⁷⁵. Наконец, в IV тысячелетии появляются богатые гробницы знати – свидетельство происходящей социальной стратификации, появления неравенства и зарождения государства⁷⁶.

Проблема появления государства и частной собственности является одним из наиболее важных вопросов истории человеческого общества, и дискуссия по этому вопросу продолжается уже много десятилетий⁷⁷. Большинство исследователей объясняют возникновение частной собственности и государства совокупным действием нескольких факторов, рассматриваемых в постоянном взаимодействии⁷⁸. Например, Л. С. Васильев рассматривает систему взаимодействия трех факторов – «экологического», «производственного» и «демографического». Экологический фактор – это благоприятные условия природной среды, в частности, плодородие почв, климатический режим и возможность ирригации. Производственный фактор – это навыки и технологии, необходимые для освоения природных ресурсов, в частности, ирригационные технологии, а также наличие соответствующих орудий труда (плуг, железный топор и т.д.)⁷⁹. Таким образом, выделяемые Л. С. Васильевым факторы в нашей терминологии обозначаются как географический, технологический и демографический. Некоторые другие авторы, в частности, Л. Е. Гринин и Н. Н. Крадин, говорят о необходимости учета, помимо того, фактора внешних влияний⁸⁰.

Благодаря большой работе, проделанной группой американских исследователей во главе с Дж. Мердоком, в настоящее время существует база данных, позволяющая проверить наличие зависимости между некоторыми действующими факторами и уровнями государственности и социальной стратификации с помощью методов математической статистики⁸¹. Такое исследование было проведено А. В. Коротаевым и Н. Н. Крадиным⁸². Уровень государственности при этом определялся по двум показателям: уровню политической интеграции (самый высокий – централизованное государство, разделенное на области и районы) и развитию аппарата принуждения; уровень социальной стратификации оценивался по числу существующих страт или классов.

В ходе этого исследования было установлено, что главными предпосылками для появления классов и государства являются переход к развитому земледелию и достижение благодаря этому определенного порога плотности населения. Но при этом важную роль играют дополнительные условия: наличие технологии хранения зерна (например, керамических сосудов), металлургии бронзы, колесных транспортных средств и письменности⁸³. Таким образом, появление классов и государства является результатом совокупного действия технологического, географического и демографического фактора.

«В целом, механизм воздействия хозяйственного развития на социальную эволюцию... может быть описан приблизительно следующим образом, – указывает А. В. Коротаев. – Возрастание производительности земли ведет к увеличению плотности населения и возрастанию размеров общин, что в свою очередь приводит к возрастанию плотности социальных связей, усложнению общественных отношений и постепенно создает все большую необходимость появления все более сложных социальных институтов для их регулирования. Сокращается расстояние между общинами, усложняются межобщинные отношения, учащаются столкновения между ними, меняется характер подобных столкновений»⁸⁴. Этот вывод согласуется с завоевавшей большой авторитет теорией происхождения государства Р. Карнейро. Р. Карнейро показывает, что рост плотности населения в условиях ограниченности ресурсов (например, в земледельческих районах, ограниченных горами и пустынями) ведет к *повышению демографического давления* и к войнам между общинами. В результате завоевания одной общины другой, с одной стороны, росла социальная стратификация, а с другой стороны, появлялась необходимость в классе управляющих, собирающих дань (или налоги) с покоренного населения – таким образом возникали первые государства⁸⁵.

Как известно, демографическое давление – это отношение реальной плотности населения к максимально возможной; таким образом, чем больше демографическое давление, тем больше плотность населения. Это обстоятельство позволяет переформулировать полученные результаты следующим образом: *повышение демографического давления в земледельческом обществе при необходимом развитии технологии и благоприятных природных условиях приводит к возникновению государственности и социальному расслоению*. С экологической точки зрения это явление, очевидно, следует рассматривать как результат адаптации человеческого общества к новой, земледельческой, экосистеме. Поначалу, когда перешедшие к земледелию племена жили в условиях относительного благополучия и уровень давления был невысок, бывшие охотники и собиратели не считали нужным менять свой старые обычаи. Затем, когда новая экологическая ниша стала заполняться и уровень давления поднялся, появилась нехватка земли и стали приходить годы голода. Как указывают специалисты-этнографы⁸⁶, именно нехватка земли побуждает общинников делить общинные земли на семейные наделы, постепенно переходящие в частную собственность. Специалисты-археологи подтверждают выводы этнографов. «Археологические данные подтверждают идею о том, что эгалитарное государство предшествовало неэгалитарному и последнее возникло как результат адаптации в условиях демографического давления на обрабатываемую землю», – заключают известные археологи Р. Шедел и Д. Робинсон⁸⁷.

Необходимо отметить, что характеристики экологической ниши были различными не только для земледельцев и охотников, но и для различных групп земледельцев. Это обстоятельство связано, в первую очередь, с различием условий переложного и ирригационного земледелия. Экологические условия лесного переложного земледелия долгое время способствовали сохранению старинных традиций коллективизма – прежде всего потому, что расчистка нового участка была возможна только при объединении усилий всей общины. Положение изменилось лишь с новой технологической революцией, с появлением железных орудий, которые, с одной стороны, позволили делать индивидуальные заимки, а с другой стороны, значительно увеличили масштабы расчисток⁸⁸. Тем не менее, процессы развития государственности в зоне переложного, а затем пашенного, земледелия значительно отставали от аналогичных процессов в областях развития ирригации.

Долины «великих рек» значительно отличались своими экологическими характеристиками от покрытых лесом равнин Евразии. Здесь была возможна ирригация и плодородные почвы давали очень высокие урожаи – иногда два урожая в год. Плотность населения в «гидравлических обществах» была на порядок выше, чем в сухоходольных регионах и зачастую превосходила 100 чел./км²⁸⁹. Маленькие общины земледельцев разрастались здесь до размеров городков и городов, и возникала естественная потребность поддержания порядка среди многочисленного населения – в результате появлялись специальные органы общинного управления. Для строительства плотин и каналов было необходимо организовать коллективный труд сотен людей – и это также стимулировало развитие государственности⁹⁰. С другой стороны, ирригационное земледелие не требовало объединения усилий общины для расчистки земли, что открывало путь для развития частной собственности.

В конечном счете, повышение демографического давления привело к формированию так называемого *раннего государства*. Создатели концепции раннего государства Х. Классен и П. Скальник описывают это государство как «централизованную социополитическую организацию для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном по крайней мере, на два основных страта или социальных класса – на управителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством первых и данническими обязанностями вторых; законность этих отношений освящена единой идеологией, основной принцип которой составляет взаимный обмен

услугами»⁹¹. По Классену и Скальнику, для типичного раннего государства характерно: 1) сохранение клановых связей при некотором развитии внеклановых отношений в управляющей подсистеме; 2) источником существования должностных лиц являются как кормления за счет вверенных подданных, так и жалование из центра; 3) наличие письменно зафиксированных законов; 4) специальный аппарат судей; 5) точно установленный характер изъятия прибавочного продукта управителями; 6) наличие специальных чиновников и аппарата принуждения⁹².

На территории Старого Света первые ранние государства появились в районах ирригационного земледелия – в долинах «великих рек». Вторичные государства возникали по соседству под влиянием уже сформировавшихся первичных государств⁹³. Иногда это происходило в результате завоевания первичными государствами «варварской периферии» и непосредственного насаждения там государственных институтов. Впоследствии, с ослаблением государства-гегемона, эти периферийные области отделялись и новые государства вступали на путь самостоятельного развития. Иногда государственность заимствовалась диффузионным путем, как результат культурного влияния первых государств на периферию. Таким образом, идея государства распространялась так же, как фундаментальные открытия в технической сфере.

1.6. Формирование кочевого общества

В настоящее время большинство специалистов считает, что скотоводство появилось в одно время или немного позже, чем земледелие⁹⁴. Имея излишки пищи, земледельцы получили возможность вскармливать детенышей убитых на охоте животных – таким образом, происходило постепенное одомашнивание. В IX-VIII тысячелетиях до н. э. на Ближнем Востоке были одомашнены козы и овцы, несколько позже – крупный рогатый скот⁹⁵. Расселяясь на новые территории, земледельческие племена приносили с собой навыки комплексного земледельческого-скотоводческого хозяйства; в IV-III до н. э. земледельческие поселения распространились на обширные пространства северного Причерноморья и Прикаспия. На этих степных просторах обитали дикие лошади, тарпаны, которые вскоре были приручены населением этих мест⁹⁶. В Прикаспии и теперешнем Казахстане лишь немногие земли были доступны для обработки мотыгой, и земледельцы селились на плодородных участках в поймах немногочисленных рек⁹⁷. Однако окружающие степи представляли собой изобильные пастбища, на которых паслись большие стада скота – так что в хозяйстве местного населения явственно преобладало скотоводство. На одном квадратном километре ковыльно-разнотравной степи можно было прикормить 6-7 коней или быков⁹⁸, а для прокормления одной семьи из 5 человек требовалось стадо примерно в 25 голов крупного скота⁹⁹, следовательно, плотность скотоводческого населения в степи могла достигать 1,3 чел./км². Эта цифра близка к оценке Ратцеля – 0,7-1,9 чел./км²; расчеты О. Г. Большакова для степей Аравии дают 1,6-1,9 чел./км²¹⁰⁰. Таким образом, плотность скотоводческого населения лишь ненамного превосходит максимальную плотность для охотников и собирателей; она в 5-10 раз меньше, чем у мотыжных земледельцев и в сотни раз меньше, чем у земледельцев, использующих ирригацию. Экологическая ниша скотоводов очень узка и перенаселение наступает достаточно быстро. По данным археологов, во II тысячелетии до н. э. происходило быстрое расселение скотоводов на восток, вплоть до Манчжурии; к XIII веку степи были в основном заселены, и возможности оседлого скотоводства оказались исчерпанными¹⁰¹.

Решающим толчком, обусловившим переход от оседлого к кочевому скотоводству, было создание усовершенствованного уздечного набора (с мартингалом и оголовьем) в начале I тысячелетия до н. э. После освоения этой фундаментальной инновации наездничество перестало быть искусством немногих джигитов – оно стало доступно всем, и все мужчины сели на коней¹⁰². Это открыло возможность освоения дальних пастбищ, и жители степей

стали кочевать вместе со своими стадами. Кочевники Средней Азии обычно зимовали в районах южнее Сыр-Дарьи, а летом перегоняли свои стада за полторы-две тысячи километров на богатые пастбища северного Казахстана (из-за сурового климата эти пастбища не могли использоваться зимой)¹⁰³. Кочевание помогло освоить северные степи и горные луга, однако оно потребовало смены образа жизни: «С переходом к кочевому скотоводству резко изменился облик степей. Исчезли многочисленные поселки, наземные и углубленные в землю жилища бронзового века, жизнь теперь проходила в повозках, в постоянном движении людей вместе со стадами от одного пастбища к другому»¹⁰⁴. Женщины и дети ехали в поставленных на колеса кибитках – но были племена, где на коней сели и женщины; Геродот передает, что у савроматов женщины «вместе с мужьями и даже без них верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую одежду с мужчинами»¹⁰⁵. Археологи свидетельствуют, что в могилы женщин – так же как в могилы мужчин – часто клали уздечку, символ всадника¹⁰⁶.

Возникновение кочевничества сопровождалось появлением кавалерии и вспышкой войн¹⁰⁷. «В поисках новых пастбищ и добычи скотоводы захватывали в сферу своего влияния... все новые группы населения, – пишет Г. Е. Марков. – Мог развернуться своего рода “цепной процесс” распространения кочевничества»¹⁰⁸. Действительно, после VIII века до н. э. на всем протяжении Великой Степи – от Дуная до Хингана – утверждается единая культура, говорящая о господстве в степи группы родственных кочевых народов. Эти народы – скифы, сарматы, саки – это были древние индоиранцы, «арии»¹⁰⁹.

Кочевничество позволило освоить новые пастбища, но плотность населения в степи оставалась низкой – к примеру, даже в конце XIX века в Тургайской области Казахстана она не превосходила 1,9 чел./км²¹¹⁰. При этом имеются сведения, что на протяжении последних двух тысячелетий численность кочевых народов не возрастала. Как отмечает А. М. Хазанов, численность хунну, живших на территории современной Монголии, и количество скота у них почти полностью совпадает с теми цифрами, которые имеются для монголов начала XX века¹¹¹. Экологическая ниша скотоводов была очень узкой, и голод был постоянным явлением. Китайские хроники пестрят сообщениями о голоде среди кочевников: «В том же году в землях сюнну был голод, от него из каждого десятка населения умерло 6-7 человек, а из каждого десятка скота пало 6-7 голов... Сюнну несколько лет страдали от засухи и саранчи, земля на несколько тысяч ли лежала голая, люди и скот голодали и болели, большинство из них умерли или пали... Был голод, вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости, свирепствовали повальные болезни, от которых великое множество людей померло...»¹¹². Арабские писатели сообщают о частом голоде среди татар; имеются сообщения о том, что в годы голода кочевники ели падаль, продавали в рабство своих детей¹¹³. Недостаток средств существования породил обычай жертвоприношения стариков у массагетов¹¹⁴; у некоторых племен было принято умерщвлять вдов, грудных детей убивали и погребали вместе с умершей матерью¹¹⁵. В условиях полуголодного существования бедуины Аравии зачастую убивали новорожденных девочек¹¹⁶. Приводимые В. П. Алексеевым данные о степных могильниках II тысячелетия до н.э. (Тасты-Бутак, Хрящевка-Ягодное, Карасук III) говорят о очень высоком уровне детской смертности; средняя продолжительность жизни взрослых составляла 34 года¹¹⁷. В более позднюю эпоху, у средневековых кочевников-авар, средняя продолжительность жизни составляла 38 лет для мужчин и 36 лет для женщин¹¹⁸.

Образ жизни кочевников определялся не только ограниченностью ресурсов кочевого хозяйства, но и его неустойчивостью. Экологические условия степей были изменчивыми, благоприятные годы сменялись засухами и джутами. В среднеазиатских степях джут случался раз в 7-11 лет; снежный буран или гололед приводили к массовому падежу скота; в иной год гибло больше половины поголовья¹¹⁹. Гибель скота означала страшный голод, «климатический стресс»; кочевникам не оставалось ничего иного, как умирать или идти в

набег – по замечанию Н. Н. Крадина, корреляция между климатическими стрессами и набегами «прослеживается чуть ли не с математической точностью»¹²⁰.

Регулярные климатические стрессы порождали в степи обстановку вечной и всеобщей войны; эта война называлась у казахов «барымтой»¹²¹. «Благосостояние кочевников определялось исключительно силой того или иного казахского рода, – отмечает А. А. Кауфман, – оно поддерживалось хищничеством, барымтой и выпадала на долю родов, военно-разбойничья организация которых была наиболее развитой»¹²². Кочевники закалялись в борьбе со стихией и в постоянных столкновениях друг с другом. В каждом роду имелся наездник, отличавшийся храбростью и физической силой; постоянно проявляя себя в схватках, он постепенно становился «батыром», «богатырем». Батыры возглавляли роды в сражениях, они были главными героями казахского эпоса¹²³. «Молодых и крепких уважают, – говорит китайский историк о гуннах, – старых и слабых почитают мало... Сильные едят жирное и лучшее, старики питаются после них... Кто в сражении отрубил голову неприятеля, тот получает в награду кубок вина и все захваченное в добычу»¹²⁴. «Счастливыми из них считаются те, кто умирает в бою, – говорит Аммиан Марцеллин об аланах, – а те, кто доживают до старости, и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы»¹²⁵. Культ войны находил проявление в поклонении мечу, Геродот сообщает о поклонении мечу у скифов, Аммиан Марцеллин – у алан¹²⁶.

В бесконечных сражениях выживали лишь самые сильные и смелые – таким образом, кочевники подвергались естественному отбору, закреплявшему такие качества, как физическая сила, выносливость, агрессивность. Древние и средневековые авторы неоднократно отмечали физическое превосходство кочевников над жителями городов и сел. «Кипчаки – народ крепкий, сильный, здоровый», – пишет Ибн Батута¹²⁷. «Они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями трав и полусырым мясом всякого скота», – говорит Аммиан Марцеллин о гуннах¹²⁸. Естественный отбор на силу, ловкость, выносливость дополнялся воспитанием воинских качеств, начиная с раннего детства. «Мальчик, как скоро сможет сидеть верхом на баране, стреляет из лука пташек и зверьков и употребляет их в пищу», – говорит Сымы Цянь о воспитании у гуннов¹²⁹. У монголов и казахов 12-13-летние юноши вместе со своими отцами ходили в набеги¹³⁰.

Суммируя данные исторических источников и археологических раскопок, можно прийти к выводу, что для общества кочевников были характерны: малая продолжительность жизни людей, высокая смертность, периодический голод и связанные с ним колебания численности населения, постоянные войны между родами и племенами. Эти признаки в совокупности свидетельствуют о *высоком демографическом давлении* в кочевом обществе.

Кочевники жили сплоченными родами, насчитывавшими десятки и сотни членов¹³¹. Из-за нехватки пастбищ большие группы людей не могли кочевать вместе, поэтому после перекочевки на летние или зимние пастбища род обычно разделялся на группы родственных семей (казахские «аулы») ¹³². Аул состоял из 3-7 близкородственных семей, иногда это была семья отца и семьи женатых сыновей¹³³. В состав аула могли входить и рабы, но их было мало и они, как правило, не пасли скот, а использовались для домашних работ. Для пастьбы скота не требовалось много людей, один конный пастух мог справиться со стадом в 500 овец – но требовалось знание дела и настоящая забота о скоте, чего трудно было ожидать от рабов. Кроме того, раб-пастух мог легко найти удобный случай для бегства; поэтому кочевники не держали большого числа рабов, захваченных в набегах пленников старались продать торговцам, прибывавшим из земледельческих стран¹³⁴.

Пастбища обычно принадлежали всему роду или племени, и на них мог пасти свой скот любой соплеменник, первым занявший это место после перекочевки. Скот находился в частной собственности семей, и были семьи, значительно различавшиеся богатством¹³⁵.

Однако богатство среди кочевников было относительным: засуха, болезни скота, набеги врагов могли быстро разорить богача – точно так же бедняк мог приобрести богатство в удачном набеге¹³⁶. «Скот на самом деле принадлежит любому бурану и сильному врагу», – говорит казахская пословица¹³⁷.

Смелый батыр, захвативший много добычи, становился обычно главой рода и богачом, в случае необходимости он мог приказывать своим сородичам – но на нем же лежала забота о благополучии всех членов рода. «Богатый киргиз считает своим долгом каждое лето снабдить не только неимущих родственников, но и многих знакомых, необходимым скотом... – отмечает А. Харузин. – За ссуду никакого вознаграждения не берется, а для взявшего существует только обязанность возратить скот в целости»¹³⁸. Подобный обычай существовал у многих степных народов, у арабов он назывался «ваджа», у казахов – «саун»¹³⁹. «Эксплуатация простых полноправных кочевников у номадов вряд ли достигала сколько-нибудь развитых форм», – отмечает Н. Н. Крадин¹⁴⁰.

В условиях постоянной войны в степях необходимыми условиями выживания были единство рода и родовая взаимопомощь, родовой коллективизм. «Удалой джигит рождается для себя, а умирает за род», – говорит казахская пословица. – «Чем быть султаном в чужом роде, лучше быть рабом в своем»¹⁴¹. Отношения взаимопомощи нашли отражение и в законах кочевых государств. По законам ойратов неказание помощи нуждающемуся в ней приравнивалось к убийству¹⁴².

Родовыми вождями обычно становились воины, проявившие себя в сражениях. «Кто храбр, силен и способен разбирать сложные дела, тех поставляют старейшинами, – говорит Фань Е о племени ухуань. – Наследственной власти у них нет»¹⁴³. У большинства кочевых племен в мирное время власть старейшин была невелика, и важные вопросы решались собранием родовичей¹⁴⁴. Лишь 3 из 27 описанных в базе данных Дж. Мердока кочевых обществ имели устойчивое деление на страты¹⁴⁵. Родовой коллективизм находил свое проявление в обычаях военной демократии и в выдвижении по заслугам.

Таким образом, в конечном счете формирование общества кочевников определялось теми же тремя факторами, что и формирование общества земледельцев: географический фактор преопределял скотоводческие занятия обитателей степей, технологический фактор (создание усовершенствованного уздечного набора) обусловил развитие всадничества и кочевание, а демографический фактор в сочетании с высокой мобильностью способствовал появлению обычаев военной демократии.

Политическая карта Великой Степи обычно являла собой пестрый конгломерат враждующих родов и племен. Как отмечалось выше, государство появляется в земледельческих обществах при достижении достаточно высокой плотности населения. Плотность населения у кочевников была в десятки раз ниже чем у земледельцев. Н. Н. Крадин отмечает, что государственность для кочевников не была внутренне необходима, что большинство кочевых обществ никогда не достигали уровня государственности¹⁴⁶. Но все же бывали случаи, когда победоносный хан объединял несколько племен и создавал кочевое государство. Как заключают многие историки, объединение кочевников обычно было ответом на создание по соседству мощного централизованного земледельческого государства¹⁴⁷. С одной стороны, такое объединение становится необходимым для противостояния мощному противнику, с другой стороны – это была реакция подражания соседней державе. Последнее обстоятельство подчеркивается еще и тем, что управленческая структура кочевников обычно создавалась по образцу соседних земледельческих государств; так, создатель империи гуннов шаньюй Модэ заимствовал административные традиции Империи Цинь¹⁴⁸, а Чингисхан перенял военную организацию у Цзинь и Ляо¹⁴⁹. Таким образом, мы можем говорить о диффузии государственных принципов земледельцев в кочевые общества.

Объединение кочевых племен в единое государство клало конец межплеменным войнам, но не снижало демографического давления в степи. Если раньше в годы «климатического стресса» кочевники шли в набег на соседнее племя, и численность населения снижалась за счет военных потерь, то теперь единственным способом спасения от голода было объединение сил степи и нашествие на земледельческие страны. Таким образом, объединение кочевников неизбежно порождало волну нашествий¹⁵⁰.

Исход нашествия на земледельческие страны зависел от нескольких факторов. На стороне кочевников были отвага, выносливость, искусство наездников и стрелков из лука, солидарность в бою и очень часто – сознание того, что отступить некуда, что либо победа, либо голодная смерть. На стороне земледельцев было превосходство в численности и часто – превосходство в организации. Эти факторы обычно компенсировали друг друга, и исход сражений зависел от главного фактора – от вооружения и тактики. Если кочевники не имели превосходства в вооружении и не могли получать ресурсы грабежом земледельческих стран, то их государства не выдерживали «климатических стрессов» и быстро распадались. Однако сражаясь между собой, степняки постоянно совершенствовали вооружение и тактику кавалерии – и иногда оказывались обладателями нового, обеспечивающего победу оружия. Появление нового оружия нарушало военное равновесие между кочевниками и земледельцами – и на земледельческие цивилизации обрушивалась волна нашествий непобедимых и жестоких завоевателей.

Завоевание приводило к созданию сословных обществ, в которых основная масса населения, потомки побежденных земледельцев, эксплуатировалась потомками завоевателей. Далее нам необходимо рассмотреть механизм создания и дальнейшей эволюции таких обществ.

1.7. Взаимодействие земледельцев и кочевников

В литературе нет общепринятого термина для обозначения сословных обществ, которые создают кочевники при завоевании земледельческих областей; их называют политарными, ксенократическими, данническими, феодальными и т. д. Мы полагаем, что социальная структура эти обществ вписывается в общепринятую концепцию феодализма: действительно, в новом обществе кочевники образуют военное «рыцарское» сословие, во многих случаях они делят завоеванную страну на «феоды» («икта», «сюргалы», «джагиры») возводят замки и закрепощают или порабощают крестьян. (Правда, в других случаях военное сословие живет за счет собираемых правительством налогов – тогда говорят о «государственном феодализме».) Поскольку в эпоху до создания артиллерии нашествия кочевников происходили регулярно с интервалами в одно-два-три столетия, то большинство обществ того времени были «феодальными». Как обычно, впереди волны завоеваний двигалась волна диффузии: под впечатлением военного могущества рыцарей соседние государства перенимали их социальную структуру и создавали военное сословие (тяжелую кавалерию), подчинявшее и закрепощающее простой народ. Именно такой, «диффузионный», феодализм был характерен для государства франков и для Московской Руси.

Поскольку в эпоху до создания артиллерии нашествия кочевников происходили регулярно с интервалами в одно-два-три столетия, то большинство обществ того времени были сословными феодальными монархиями. Схему развития таких обществ нарисовал великий арабский философ Ибн Халдун, своими глазами наблюдавший их жизнь и обобщивший в своих наблюдениях обширный материал со всего мусульманского мира¹⁵¹.

Ибн Халдун начинает с описания *асабии* – родового или племенного объединения кочевников-бедуинов, основанного на началах солидарности, коллективизма и братства (слово «асабия» используют также в значении «родовая солидарность»). Асабия возглавляется шейхами, «выдающимися людьми» на основе «того почтения и уважения,

которое все испытывают к ним»¹⁵². Скитаясь в степях и пустынях, бедуины привыкли довольствоваться самым необходимым, они постоянно подвергаются опасностям, «поэтому мужество стало для них свойством характера, а смелость – природным качеством»¹⁵³. «Так как кочевая жизнь является причиной смелости, то необходимым образом дикое племя боеспособнее, чем другое», – пишет Ибн Халдун¹⁵⁴. Обладая военным превосходством, кочевники захватывают обширные земледельческие области, подчиняют местное население и заставляют его платить дань. *Асабия* становится привилегированным военным сословием и достигает могущества – однако затем начинается ее медленное распадение. Шейх *асабии* становится государем и постепенно отдаляется от своих соратников; он приближает к себе низкопоклонствующих перед ним «чужаков» (то есть местных чиновников), перенимает местные обычаи и начинает править самовластно¹⁵⁵. Отмеченный Ибн Халдуном конфликт между царями и знатью является типичным для новых обществ, которые создают завоеватели в покоренных ими странах Востока. Самодержавие является характерной чертой многих восточных обществ и, вторгаясь в страны древней цивилизации, завоеватели-варвары, естественным образом, пытаются перенять их культуру и систему управления – этот процесс можно рассматривать как проявление следующего за завоеванием *социального синтеза*. В соответствии с традициями Востока права верховной собственности принадлежат царю, и стремление царей присвоить себе все плоды завоеваний вызывает протест родовой знати, которая требует выделения своей доли. Знать не желает признавать заимствованное у побежденных самодержавие, она устраивает заговоры и убивает или свергает царей, а цари «подавляют мятежные стремления своих сотоварищей и все богатства присваивают себе»¹⁵⁶. Знать борется за старые традиции варваров – поэтому мы будем называть ее мятежи и заговоры *традиционалистской реакцией*. С другой стороны, некогда мужественные бедуины привыкают к «обычаям роскошной, удобной жизни, уменьшается их смелость в той же степени, что и их дикость и бедуинский образ жизни»¹⁵⁷. Стремление к роскоши вызывает рост налогов, которые оказываются непосильными для крестьян – начинаются восстания. К этому времени *асабия* уже разложилась и утратила свое единство – в погоне за богатством бедуины забыли о коллективизме и об обычаях взаимопомощи, они привыкли к безбедной жизни и превратились в изнеженных городских жителей. Государство разрушается, его обороноспособность падает, и его история заканчивается вторжением новой бедуинской *асабии*¹⁵⁸.

Характерно, что идеи Ибн Халдуна прямо используется в диффузионистской теории У. Мак-Нила. «Сам образ жизни пастухов вырабатывал военные (или, по крайней мере, полувойные) навыки... – писал У. Мак-Нил. – Завоеватели, пришедшие... из областей на границе цивилизованного мира, действительно могли установить деспотическую центральную власть, однако через несколько поколений завоеватели вполне могли сменить свои военные обычаи на более свободный и изнеженный образ жизни, существовавший в городах. В свою очередь, ослабление воинской дисциплины и упадок боевого духа создавали предпосылки для восстаний в самой империи или прихода новых завоевателей из пограничных областей... В ранней фазе завоевательных походов, когда одерживались блестящие победы и завоевывались аграрные регионы, члены полуварварских отрядов беспрекословно подчинялись власти вождя. Но предводители победоносных варварских отрядов (или их наследники) пытались избежать ограничений собственной власти, выработанной на основе обычая, путем привлечения принципов абсолютизма и бюрократического управления, выработанных в цивилизованных обществах. Вследствие этого противоречия между монархами и аристократами было обычным делом. И когда по вышеупомянутой причине в варварских военных отрядах падала дисциплина, открывался путь для новых завоевателей»¹⁵⁹.

Таким образом, теория Ибн Халдуна фактически включается в современную теорию диффузионизма для объяснения тех волн завоеваний, которые сопровождаются покорением цивилизованных областей народами варварской периферии.

По Ибн Халдуну, развитие государства, от его рождения до гибели охватывает время жизни трех поколений – приблизительно 120 лет. А. А. Игнатенко, проанализировав имеющиеся данные о продолжительности и о характере правления мусульманских династий, нашел, что обрисованная Ибн Халдуном картина близка к реальности. «Идеи Ибн Халдуна о циклическом характере развития государств и обществ в его эпоху – это социологическая, научная концепция, которая освещает некоторые действительные аспекты... средневекового восточного общества», – заключает А. А. Игнатенко¹⁶⁰. В. В. Бартольд и видный французский исследователь М. Бувье-Ажам считали Ибн Халдуна основателем социологии; такого рода высказывания можно найти и у других специалистов¹⁶¹. Концепция Ибн Халдуна оказала значительное влияние на автора известной «теории насилия» Л. Гумпловича – именно отсюда ведет свое начало идея о появлении государства в результате завоевания¹⁶². А. Тойнби включил концепцию Ибн Халдуна в свою теорию Вызова-и-Ответа¹⁶³.

В последнее время теория Ибн Халдуна активно используется в работах П. Турчина, который, в частности, установил ее сходство с некоторыми современными концепциями, с теорией социальной сплоченности Дюркгейма, с теорией «социального капитала», социально-психологическими теориями «индивидуализма-коллективизма». П. Турчин развивает теорию «матаэтнического фронта», показывая, что общества с высокой асабией формируются на границе земледельческих империй с варварской периферией в условиях жестоких войн и интенсивного естественного отбора. Затем, когда асабия империи ослабевает, они вторгаются через границу и создают свои «варварские королевства»¹⁶⁴.

Возвращаясь к демографическому аспекту развития «феодального» общества, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что цикл, описываемый Ибн Халдуном, является *демографическим циклом*. Действительно, вторжение кочевников обычно несет с собой демографическую катастрофу, затем начинается период восстановления, а потом приходит Сжатие с его необратимыми следствиями – разорением крестьян ростом крупного землевладения. Этот процесс смыкается с разложением асабии и ростом собственнических настроений в элите и приводит к «приватизации» тех «икта» и «феодов», которыми знать и воины владели на условиях службы. С другой стороны, Сжатие ускоряется ростом налогов и ренты, которую требует с населения привыкающая к роскоши элита. В результате этого перераспределения ресурсов возникает *системный кризис*, который в условиях Сжатия быстро перерастает в экосоциальный кризис. Начинаются восстания, которые, вместе с ослаблением элиты, быстро приводят к гибели государства. В некоторых случаях восстания и гражданские войны порождают этатистскую монархию, в других случаях кризис провоцирует новое вторжение степняков. Демографическое давление в степи остается высоким всегда, и стоящие у границ кочевники только и ждут момента, когда государство ослабнет и внутренние смуты откроют его границы для вторжений. Это обстоятельство объясняет наличие в истории земледельческих стран большого количества *прерванных циклов* – мы увидим в дальнейшем, что едва ли не половина всех демографических циклов была прервана нашествиями варваров.

Таким образом, теория Ибн Халдуна – так же как демографически-структурная теория – описывает демографический цикл, причем делает акцент на отношениях внутри структуры «государство-элита-народ». Это специфический цикл, протекающий в земледельческих государствах, завоеванных кочевниками, то есть цикл феодального общества – П. В. Турчин и А. В. Коротаев называют такие циклы «ибн-халдуновскими».

Необходимо также сказать несколько слов об экологическом аспекте теории Ибн Халдуна. Постоянные войны в степи делали кочевников прирожденными воинами-

кавалеристами, сильными, отважными, выносливыми и агрессивными – по своим физическим и психологическим характеристикам, по образу жизни, кочевники были непохожи на крестьян-земледельцев. Эти отличия были следствием обитания в *другой экологической нише*, следствием адаптации к другим экологическим условиям. По законам биологии обитание в другой экологической нише ведет к формированию *видовых различий*, таким образом, можно предположить, что процесс становления кочевничества являлся также началом выделения *нового подвида* людей (точно так же, как земледельцы были новым подвигом по отношению к охотникам).

Наличие «межвидовых» взаимодействий существенно усложняет динамику развития земледельческих обществ. Завоевания приводят к появлению сословных «феодалных» обществ, в которых кочевники становятся военным сословием, а покоренные земледельцы – податным сословием. Начинается реадаптация кочевников к условиям новой экологической ниши, в процессе которой они перенимают многие традиции земледельцев. В первую очередь перенимается система государственного управления и самодержавие – шейхи кочевников становятся государями и начинают «править самовластно». С другой стороны, кочевники утрачивают свои родоплеменные традиции братства и взаимопомощи; они принимают принципы частной собственности и стремятся к обогащению; они стремятся превратить в собственность («приватизировать») доходные должности и служебные кормления. Это приводит к разложению феодального государства, внутренним усобицам и к отпадению ставших независимыми наместников.

Адаптация к новым условиям существования имеет и чисто физиологический аспект: оказавшись в непривычных условиях благополучного существования, кочевники уже не подвергаются тому естественному отбору, который сделал их воинами; кроме того, они вступают в брак с местными женщинами и их потомки теряют боевые качества отцов. Поэтому через три-четыре поколения после завоевания военное сословие оказывается не в состоянии исполнять свои функции и страна становится добычей новых завоевателей.

Как отмечалось выше, теория Ибн Халдуна тесно связана с демографически-структурной теорией: она описывает эволюцию особой, «феодалной» структуры «государство-элита-народ» в условиях роста населения. Она объясняет также и феодальную трансформацию структуры, которая происходит во время завоевания и которую невозможно объяснить из демографически-структурной теории.

1.8. Трехфакторная модель исторического процесса

Суммируя изложенное выше, мы можем констатировать, что современное состояние теории факторов исторического процесса позволяет описать механизм совместного действия трех факторов, демографического, технологического и географического. При этом, как отмечает Л. Е. Гринин, воздействие географического фактора отличается по своему характеру от воздействия других рассматриваемых факторов. Численность населения и технология являются переменными, динамическими величинами, в то время как природные условия остаются относительно постоянными на протяжении тысячелетий¹⁶⁵. Географический фактор *является формообразующим*, он участвует в формировании обществ земледельцев и кочевников, но в дальнейшем его влияние проявляется, в основном, в качестве ограничителя роста населения или распространения технологий.

Демографический фактор является динамическим, и, как было показано выше, его действие описывается демографически-структурной теорией. Этот фактор предопределяет развитие земледельческих обществ в ритме демографических циклов: рост населения приводит к Сжатию и экосоциальному кризису, который заканчивается гибелью значительной части населения и (в большинстве случаев) установлением этатистской

монархии. В новом цикле Сжатие приводит к ослаблению монархии и росту крупного землевладения, но следующий кризис обновляет этактистскую монархию и снова ограничивает частное землевладение.

Мы будем использовать классификацию, в которой базисным элементом является *частнособственническое общество*¹⁶⁶ (общество А). Для обществ этого типа характерно наличие индивидуальной или семейной частной собственности на землю и демократическая или олигархическая форма правления. В соответствии с теорией классический демографический цикл трансформирует частнособственническое общество в *этактистскую монархию* – общество, характеризующееся господством автократии, государственной собственности на землю и развитой системой государственного регулирования (общество В). Этактистская монархия может сосуществовать с мелкой крестьянской собственностью, но она препятствует развитию крупной земельной собственности. Хотя в этактистской монархии часто существуют сословия, в этом обществе нет значительных сословных привилегий и относительно велика социальная мобильность; сословия не имеют замкнутого характера. В литературе общества такого типа часто называют восточными деспотиями, однако многие востоковеды по понятным причинам возражают против использования этого термина¹⁶⁷. Кроме того, в результате ослабления государственного регулирования в этактистской монархии могут получить развитие частнособственнические отношения и может развиваться крупная земельная собственность. Общества такого типа мы называем *частнособственническими монархиями* (общество А_б). Таким образом, в демографическом цикле, начинающемся в условиях господства частной собственности, в результате Сжатия или экосоциального кризиса происходит *трансформация структуры*, которую можно обозначить АВ или А_бВ; если же цикл начинается в условиях господства этактистской монархии, то, согласно теории, происходит трансформация ВА_бВ.

На естественное течение демографического цикла накладываются процессы, порожденные вмешательством технологического фактора. Действие этого фактора также является динамическим и описывается тремя связанными друг с другом теориями: теорией диффузионизма, теорией военной революции и теорией Ибн Халдуна.

Традиционное общество существовало в период, ограниченный двумя технологическими революциями, и изменения технологии в этот период были не столь значительными, как в другие эпохи. Тем не менее фундаментальные открытия имели место, как в производстве пищи, так и в военном деле. Важное значение имело освоение технологии выращивания заливного риса, а затем распространение картофеля и кукурузы. Эти сельскохозяйственные нововведения расширили экологическую нишу народов Азии, в некоторых случаях замедлили процесс перенаселения и привели к значительному удлинению отдельных демографических циклов. Большое значение имели фундаментальные открытия в военной сфере. Среди военно-технических инноваций степных племен необходимо отметить создание боевой колесницы, освоение всадничества и верховой стрельбы из лука; затем были созданы большой гуннский лук, седло, стремя, сабля, монгольский рефлексированный лук. Эти открытия привели к распространению волн завоеваний кочевников – причем впереди этих волн (согласно теории) должна была идти волна диффузии, приводящая в земледельческих государствах к трансформациям структур по образцу тех обществ, которые создавали кочевники. Когда кочевники завоевывают этактистскую монархию, они часто сохраняют автократическое правление и сословную структуру. Завоеватели превращаются в привилегированное военное сословие, а покоренное население становится эксплуатируемым податным сословием; таким образом, появляются большие различия в положении сословий и сословия становятся более замкнутыми. Общества такого рода мы называем *сословными монархиями* (общество С). Дальнейшая эволюция сословных монархий описывается теорией Ибн Халдуна и демографически-структурной теорией: происходит распад асабии

завоевателей, военные держания приватизируются, автократия слабеет и превращается в *феодалную монархию* (общество A_c). Сословная монархия и феодальная монархия являются двумя разновидностями сословного феодального общества, о котором мы говорили выше. В конечном счете, сжатие в условиях сословного феодального общества приводит к экосоциальному кризису и появлению новой этактистской монархии или к новому завоеванию. Таким образом, согласно теории, должны происходить *трансформации структуры* CA_cB , или CA_cC^c , или CA_cBC^c (верхний индекс «с» означает результат внешних влияний, завоевания или диффузии).

Земледельческие народы также совершали открытия в военной сфере, к их числу можно отнести семитский лук, македонскую фалангу, римский легион, огнестрельное оружие. Роль нового оружия в земледельческих государствах зависит от системы содержания армии. Если используется система служебных держаний (наподобие бенефициев) то появляется сословная монархия того же типа, какие создавали кочевники (и далее эволюция сословной монархии происходит в том же направлении). Но иногда новое оружие становится достоянием профессиональной армии, состоящей на жалованье. Теория военной революции показывает, к каким последствиям должно привести появление такой профессиональной армии: оно должно вызвать трансформацию структуры «государство-элита-народ» и становление (или укрепление) этактистской монархии.

Таково краткое описание роли трех факторов в историческом процесс – прогноз, который может дать теория студенту или исследователю, приступающему к изучению истории Востока. Наша дальнейшая задача – проверить, насколько оправдывается этот прогноз в действительности.

- ¹ См., например: Алексеев П. В. Социальная философия: учеб. пособие. М., 2005. С. 16-21.
- ² Гринин Л. Е. Философия, социология и теория истории. Волгоград, 2000. С. 61-63.
- ³ Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. М., 2006. С. 20.
- ⁴ Коротаев А. В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003. С. 19.
- ⁵ Подробнее см.: Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. С. 6-22.
- ⁶ Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения//Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993. С. 22. Выделено Мальтусом.
- ⁷ Там же. С. 9, 18-22.
- ⁸ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения //Рикардо. Д. Сочинения. Т. I. М., 1955.
- ⁹ Abel W.. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung //Schmollers Jahrbücher. 58, Jahrgang, 1934; Idem. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935.
- ¹⁰ Postan M. M. The medieval economy and society: an economic history of Britain, 1100-1500. Berkley, Los Angeles, 1972; Ibid. Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy. Cambridge, 1973; Mousnier R. Les XVIe et XVIIe siècles. Les progres de la civilisation eupopeenne et la diclin de l'Orient (1492-1715). Paris, 1953; Slicher van Bath B. Op. Cit; Glass D. V., Eversley D. E. Population in History. London, 1965. Cippolla C. M. Before the industrial revolution. European Society and Economy, 1000-1700. London, 1976 (итальянское издание вышло в 1969 г.)
- ¹¹ Goubert P. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 a 1730. Contribution a l'histoire sociale de la France du XVIIe siecle. 2 vols., Paris, 1960; Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. P., 1966. Т. 1-2; Meuvret J. Les Crises de subsistances et la demographie d'Ancien Regime//Population. 1946. # 4. P. 643-650; Duby G. L'Economie rurale et la vie des campagnes de l'Occident medieval. 2 vol. Paris, 1962; Meuvret J. Euidies d'histoire economique. Paris, 1971; Chaunu P. La civilisation de l'Europe classique. Paris, 1984. Русский перевод: Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005.
- ¹² Braudel F. Civilisation materille, economie et capitalisme, XVe-XVIIIe siècle. Т. 1. Paris, 1967. Русский перевод: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках. Т.1. М., 1986.
- ¹³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках. Т.1. Структуры повседневности. М., 1986. С. 42-44.
- ¹⁴ Barcan O. L. Rec. ad. Op.: F. Braudel. La Mediterranee et le monde mediterranean a l'epoque de Philippe II//Revue de la faculte des sciences economiques de l'Universite d'Istanbul. Istanbul., 1949-1950. Vol. XI. P. 206.
- ¹⁵ Cameron R. Europe's second logistic//Comparative Studies in Society and History. 1970. № 12. P. 457.
- ¹⁶ Ashtor E. Histoire des prix et des salaires dans l' Orient Medieval. P. 1969; Ashtor E. A social and economic history of the Near East in the Middle Ages . London, 1976. P. 66, 153.
- ¹⁷ Например: Ping-ti Ho. Studies on the Population of China, 1368-1953. Cambridge, 1959; Elvin M. The Pattern of the Chinese Past: A Social and Economic Interpretation. Stanford, 1973; Liu P. and Huang K. Population Change and Economic Development in Mainland China since 1400//Modern Chinese Economic History. Taipei, 1977; Chao K. Man and Land in Chinese History. An Economic Analysis. Stanford, 1986.
- ¹⁸ Grigg D. Population Growth and Agrarian Change. Cambridge, 1980.
- ¹⁹ Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991. See also: Goldstone J. East and West in the Seventeenth Century: Political Crises in Stuart England, Ottoman Turkey, and Ming China// Comparative Studies in Society and History. 1988. Vol. 30. N. 1. P. 103-143
- ²⁰ Ibid. P. 6-7.
- ²¹ Ibid. P. 24-25, 459.
- ²² Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. С. 38.
- ²³ Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. P., 1990. P. 346-370; Grigg D. Op. cit. P. 20-28. 39, 76-78.
- ²⁴ Подробнее см. Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. С. 99-102.
- ²⁵ Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005. С. 218.
- ²⁶ Turchin P. Dynamical Feedbacks between Population Growth and Sociopolitical Instability in Agrarian States// eJournal of Anthropological and Related Sciences.2005. № 1.
- ²⁷ Komlos J., Nefedov S. Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth // Historical Methods. 2002. Vol. 35. № 2. P. 92-94; Nefedov S. A model of demographic cycles in a traditional society: the case of Ancient China // Chinese Journal of Population Science. 2003. № 3. P. 48-53 (на кит. яз.); Nefedov S. A. A model of demographic cycles in a traditional society// Social Evolution & History. 2004. Vol. 3. N 1. P. 69 – 80; Turchin P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton and Oxford, 2003; Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М, 2005; Tsirel S. V. On the Possible Reasons for the Hyperexponential Growth of the Earth Population//

- Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics – Moscow: Russian State Social University, 2004. – P. 367–369.
- ²⁸ Нефедов С. А. Концепция демографических циклов... С. 45; Nefedov S. A. A model of demographic cycles in a traditional society... P. 78-79.
- ²⁹ Grigg D. Op. cit. P. 283.
- ³⁰ Utterstrom G. Climatic Fluctuations and Population Problems in Early Modern History//Scandinavian Economic History Review. 1955, Vol. 3. P. 30-47.
- ³¹ Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 года. Л., 1971.
- ³² Нефедов С. А. Концепция демографических циклов... С. 125-127.
- ³³ Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 2001. С. 228.
- ³⁴ White L. Medieval Technology and Social Change. Oxford, 1966. P. 1-38.
- ³⁵ Дьяконов И. М. Пути истории. М. 1994.
- ³⁶ Там же. С. 13.
- ³⁷ Там же. С. 155.
- ³⁸ Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 196, 202-207.
- ³⁹ See: Dien A. The stirrup and its effect on chinese military history // <http://www.silk-road.com/artl/stirrup.shtml>
- ⁴⁰ Roberts M. Essays in Swedish History. L., 1967.
- ⁴¹ Лишь недавно появился краткий обзор иностранной литературы в области теории военной революции: Пенской В. В. Военная революция в Европе XVI-XVII веков и ее последствия// Новая и новейшая история. 2005. №2. С. 194-206.
- ⁴² Roberts M. Essays... P. 195.
- ⁴³ Roberts M. Roberts M. Gustavus Adolphus. A History of Sweden. Vol. 2. 1625\6-1632. London, N. Y., Toronto, 1958. P. 232; Нилус А. История материальной части артиллерии. Т. 1. СПб, 1904, с. 142-143.
- ⁴⁴ Нилус А. Указ. соч., с. 146; Roberts M. Gustavus Adolphus... P. 233.
- ⁴⁵ Roberts M. Essays... P. 195.
- ⁴⁶ Roberts M. Gustavus Adolphus... P. 231, 248.
- ⁴⁷ Roberts M. Gustavus Adolphus... P. 64, 210, 238-241; Разин Е. А. История военного искусства. Т. III. СПб, 1994, с. 388, 396
- ⁴⁸ Roberts M. Gustavus Adolphus... P. 65, 84, 87.
- ⁴⁹ Roberts M. Gustavus Adolphus... P. 67.
- ⁵⁰ Берендс Э. С. Государственное хозяйство Швеции. Ч. I. СПб, 1890. С. 176, 196, 200.
- ⁵¹ Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992. P. 3.
- ⁵² Roberts M. Essays in Swedish History... P. 213.
- ⁵³ Roberts M. Essays in Swedish History... P. 203-205; Duffy M., ed., The Military revolution and the state, 1500-1800. Exeter, 1980; Downing B. Op.cit. P. 3, 10-11, 56, 77-78.
- ⁵⁴ Цит. по: Корякова Л. Н. Археология раннего железного века Евразии. Екатеринбург. 2000.
- ⁵⁵ Корякова Л. Н. Указ. соч.
- ⁵⁶ Graebner F. Methode der Ethnologie. Heidelberg. 1911.
- ⁵⁷ Conolly P. Greece and Rome at War. L. 1981, p. 73.
- ⁵⁸ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. III. М. 1964, с. 93.
- ⁵⁹ См. например: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986 С. 248-264.
- ⁶⁰ См.: Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М. 1976, с. 3-36.
- ⁶¹ См. например: Борисенко, А.Ю.; Худяков, Ю.С. Оружие и защитное вооружение как индикатор культурного обмена степей и античного мира // Восток = Oriens. 2004. N 3. С. 155-157.
- ⁶² McNeill, W. The rise of the West: a history of the human community. New York, 1963. Русский перевод: Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев-Москва, 2003.
- ⁶³ McNeill W. The pursuit of power : technology, armed force, and society since A.D. 1000. Oxfordl, 1983.
- ⁶⁴ Ibid. P. 102, 143.
- ⁶⁵ Childe V. G. Man Makes Himself. L., 1941.
- ⁶⁶ Козинцев А. Г. Переход к земледелию и экология человека // Ранние земледельцы. Л., 1980. С. 18; 38
- ⁶⁷ Там же. С. 19
- ⁶⁸ Козинцев А. Г. Указ. соч. С. 20.
- ⁶⁹ Файнберг Л. А. Индейцы Бразилии. М., 1975. С. 8-10; Бутинов Н.А. Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968. с. 116-119;. Бутинов Н.А. Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев// Ранние земледельцы. М., 1980. С. 116, 125; Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры. М., 1979. С. 198-217; История первобытного общества... С. 356.
- ⁷⁰ Кабо В. Р. Указ. соч. С. 70; Файнберг Л. А. Указ. соч. С. 8-11; Решетов А. М. Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев// Ранние земледельцы. Л., 1980. С. 39.

- ⁷¹ Бахта В. М. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество// Проблемы истории докапиталистических обществ. М.,1968. С. 283
- ⁷² Массон В. М. Первые цивилизации. Л.,1989. С. 47
- ⁷³ Там же. С. 69; Козинцев А. Г. Указ. соч. С. 20.
- ⁷⁴ История Древнего Востока... с. 68.
- ⁷⁵ Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.,1982. с. 121.
- ⁷⁶ История Древнего Востока... с. 90.
- ⁷⁷ См., например: История первобытного общества... ; Adams R. Nc. The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago, 1966; Fried M. H. The Evolution of Political Society. N. Y., 1967; Service E. R. Origins of the State and Civilization . The Process of Cultural Evolution. N. Y., 1975.
- ⁷⁸ История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М.,1988. С. 9; Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М.,1979. С. 126.
- ⁷⁹ Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. М.,1983. С. 25-27; Carneiro R. L. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion // Origins of the State. Philadelphia, 1978. P. 207.
- ⁸⁰ Гринин Л. Е. Эпоха формирования государства. М., 2007. С. 104; Крадин Н. Н. Политическая антропология М., 2001. С. 143.
- ⁸¹ Murdock G. P. Atlas of World Culture. Pittsburgh, 1981.
- ⁸² Коротаяев А.В. Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. М., 1991. С.136-191; Крадин Н. Н. Археологические признаки цивилизации//Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 184-210.
- ⁸³ Коротаяев А.В. Указ. соч. С. 139-155, 174; Крадин Н. Н. Указ. соч. 195-196, 201.
- ⁸⁴ Коротаяев А.В. Указ. соч. С. 155.
- ⁸⁵ Carneiro R. L. A Theory of the Oridgin of the State//Science. 1970. Vol. 21. N 169. – P. 733-738. Русский перевод см.: Карнейро Р. Л. Теория происхождения государства// Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 55-71.
- ⁸⁶ См., например: Маретина С. А. Община у горных народов Ассама// Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1967, С. 15.
- ⁸⁷ Шедел Р., Робинсон Д. Становление государства в доколумбовой Америке// Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 168.
- ⁸⁸ Бутинов Н.А. Папуасы Новой Гвинеи... С. 88; Хазанов А. М. Классообразование.... С. 136.
- ⁸⁹ Козинцев А. Г. Указ. соч. С. 19.
- ⁹⁰ Wittfogel E. A. Op. cit.
- ⁹¹ The Early State/Eds. H. J. M. Classen, P. Skalnik. The Hague, 1978. P. 640. Цит. по: Крадин Н. Н. Политическая антропология М., 2001. С. 143.
- ⁹² Цит. по: Крадин Н. Н. Указ. соч. С. 133,142.
- ⁹³ Крадин Н. Н. Указ. соч. С. 143-144.
- ⁹⁴ Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М., 1989. С. 30; Кунов Г. Указ. соч. С. 428.
- ⁹⁵ Шнирельман В. А. Указ. соч. С. 57, 64.
- ⁹⁶ Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света// Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 28; Ковалевская В. Б. Конь и всадник. М., 1977. С. 19.
- ⁹⁷ Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение идоиранцев. М., 1994. С. 195, 199.
- ⁹⁸ Мордкович В. Г. Степные экосистемы. М., 1982. С. 167.
- ⁹⁹ Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. С. 21.
- ¹⁰⁰ Ratzel F. Anthropogeographie, В. II. Stuttgart, 1922. S. 173; Большаков О. Г. История Халифата. Т. 1. М., 1989. С. 33.
- ¹⁰¹ Кузьмина Е. Е. Указ. соч. С. 205.
- ¹⁰² Ковалевская В. Б. Указ. соч. С. 115; Смирнов А. П. Скифы. М., 1966. С. 13.
- ¹⁰³ Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Алма-Ата, 1971. С. 497-498.
- ¹⁰⁴ Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 5.
- ¹⁰⁵ Нег, IV, 116.
- ¹⁰⁶ Степи европейской части СССР... С.70, 169.
- ¹⁰⁷ Степи европейской части СССР... С. 5.
- ¹⁰⁸ Марков Г. Е. Указ. соч. С. 31.
- ¹⁰⁹ Археология СССР. М., 1982. С. 118-119.
- ¹¹⁰ Алексеенко Н. В. Население дореволюционного Казахстана. А.-А., 1981. С. 80.
- ¹¹¹ Хазанов А.М. Указ.соч. С. 265.

- ¹¹² Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М., 1973. С. 29, 70; Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л., 1950. С. 236.
- ¹¹³ Хазанов А.М. Указ. соч. С. 149.
- ¹¹⁴ Нег, I, 216.
- ¹¹⁵ Эрдели И. Авары // Исчезнувшие народы. М., 1988. С. 104
- ¹¹⁶ Большаков О. Г. Указ. соч. С. 42.
- ¹¹⁷ Алексеев В. П. Палеодемография: содержание и результаты // Историческая демография. Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. С. 87-89.
- ¹¹⁸ Эрдели И. Указ. соч. С. 102
- ¹¹⁹ Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 79.
- ¹²⁰ Крадин Н. Н. Особенности классообразования и политогенеза у кочевников // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. М., 1991. С. 304.
- ¹²¹ Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 250.
- ¹²² Кауфман А.А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903. С. 133.
- ¹²³ Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 207, 255.
- ¹²⁴ Бичурин И. Указ. соч. С. 40.
- ¹²⁵ Amm. Mar. XXXI, 2. 22.
- ¹²⁶ Нег, IV, 62 ; Amm. Mar. XXXI, 2. 23.
- ¹²⁷ Тизенгаузен Т. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л., 1934. С. 283.
- ¹²⁸ Amm. Mar. XXXI, 2. 3.
- ¹²⁹ Бичурин И. Указ. соч. С. 40.
- ¹³⁰ Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 572; Марков Г. Е. Указ. соч. С. 152.
- ¹³¹ См., например: Хазанов А.М. Указ. соч. С. 104; Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 511; Марков Г. Е. Указ. соч. С. 169.
- ¹³² Хазанов А.М. Указ. соч. С. 269.
- ¹³³ Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 501.
- ¹³⁴ Хазанов А.М. Указ. соч. С. 141-142, 146.
- ¹³⁵ Там же. С. 62; Марков Г. Е. Указ. соч. С. 59, 257.
- ¹³⁶ Там же. С. 257.
- ¹³⁷ Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 257.
- ¹³⁸ Харузин А. Киргизы Букеевской орды. Т. 1. СПб., 1889. С. 222.
- ¹³⁹ Марков Г. Е. Указ. соч. С. 267; Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 530.
- ¹⁴⁰ Крадин Н. Н. Указ. соч. С. 315.
- ¹⁴¹ Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 514.
- ¹⁴² Марков Г. Е. Указ. соч. С. 98.
- ¹⁴³ Бичурин И. Указ. соч. С. 142.
- ¹⁴⁴ Марков Г. Е. Указ. соч. С. 61-63, 99, 142, 260.
- ¹⁴⁵ Крадин Н. Н. Археологические признаки цивилизации... С. 202.
- ¹⁴⁶ Крадин Н. Н. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы// Вопросы истории. 2001. № 4. С. 22.
- ¹⁴⁷ Крадин Н. Н. Империя хунну. М., 2001. С. 38,43; Барфилд Т. Дж. Мир кочевников-скотоводов// Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 429.
- ¹⁴⁸ Гумилев Л. Н. Хунну. СПб., 1993. С. 71.
- ¹⁴⁹ Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973. С. 81
- ¹⁵⁰ См., например: Большаков О. Г. История Халифата. Т. 2. М., 1993. С. 14.
- ¹⁵¹ См.: Игнатенко А. А. Ибн-Хальдун. М., 1980; Бациева С. М. Бедуины и горожане в Муккадима Ибн Халдуна.// Очерки истории Арабской культуры V-XV вв. М., 1982.
- ¹⁵² Игнатенко А. А. Указ. соч. С. 73.
- ¹⁵³ Бациева С. М. Указ. соч. С. 329.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 333.
- ¹⁵⁵ Игнатенко А. А. Указ. соч. С. 82.
- ¹⁵⁶ Бациева С. М. Указ. соч. С. 348.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 333.
- ¹⁵⁸ Игнатенко А. А. Указ. соч. С. 147.
- ¹⁵⁹ Мак-Нил У. Восхождение Запада... С. 88, 96, 150.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 106.
- ¹⁶¹ См.: Соколова М. Н. Современная французская историография. М., 1979. С. 177; Бациева С. М. Указ. соч. С. 311.
- ¹⁶² Там же. С. 119.

¹⁶³ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1996. С. 154.

¹⁶⁴ Turchin, P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton and Oxford, 2003. P. 38-77.

¹⁶⁵ Гринин Л. Е. Указ. соч. С. 61.

¹⁶⁶ Этот термин был предложен Л. С. Васильевым в монографии: Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. С. 56.

¹⁶⁷ Материалы обсуждения этой проблемы см.: Якобсон В.А. Проблемы изучения истории государства и права на Древнем Востоке // Народы Азии и Африки, 1984, №2-3.